П.349

ПИОНЕР

П 29
34

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ 1934 г.

7

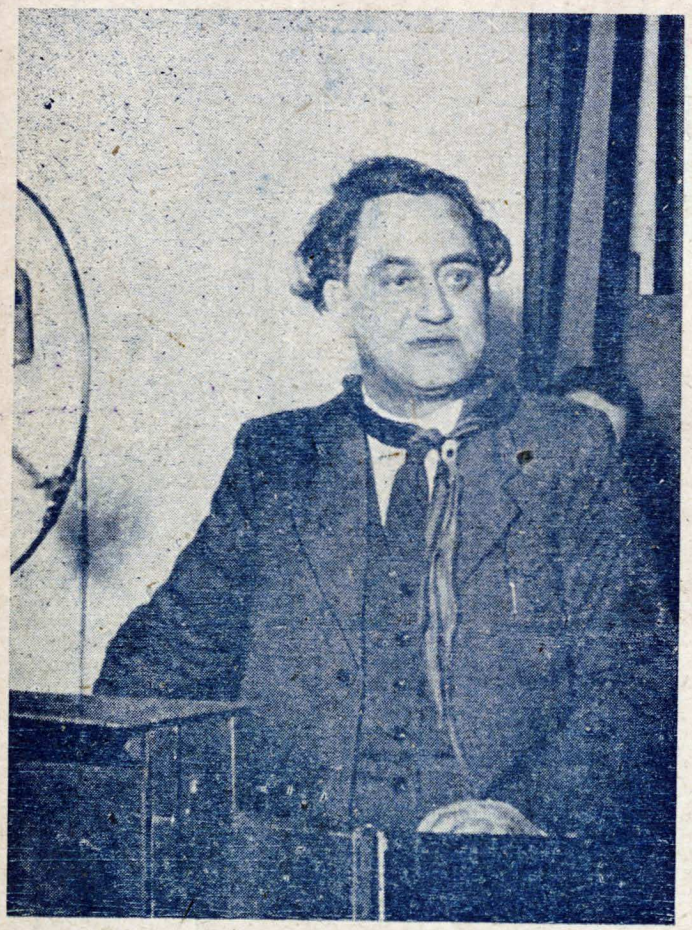
К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПИОНЕР

№ 7

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76

Апрель 1934



БУДЕМ КАК ДИМИТРОВ

На второй день после приезда в Москву т. Димитров был в Обществе старых большевиков на чествовании Н. К. Крупской. Несмолкаемой овацией приветствовали старые большевики Димитрова — бесстрашного бойца за коммунизм.

Пионеры базы «Известий» выбрали т. Димитрова почетным пионером своей базы. Красный галстук горит на груди почетного пионера.

На первого пионера своей базы равняются пионеры комбината «Известий». Последуем их примеру. Равнение на передового большевика, почетного пионера Георгия Димитрова!

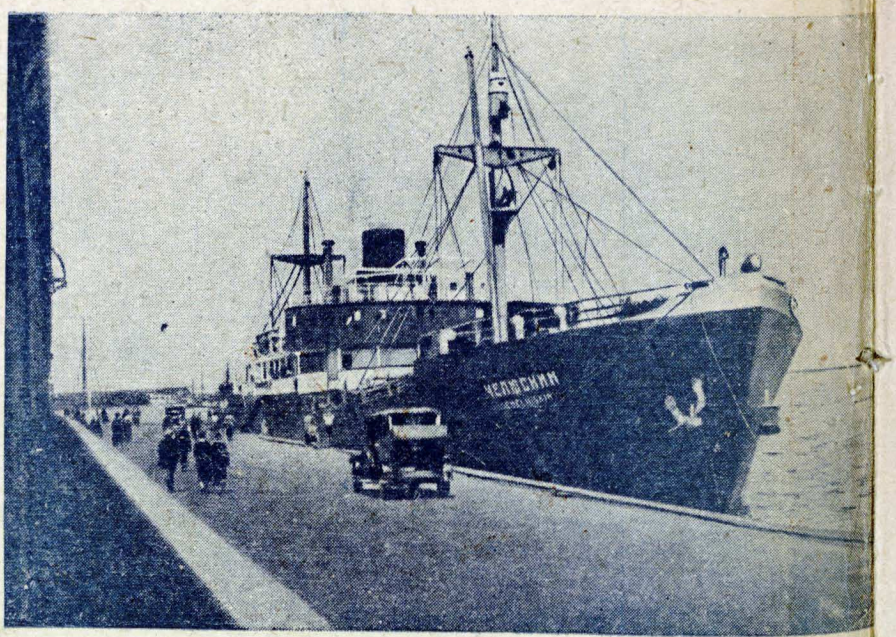
ГЕРОЯМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА—ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ!

Внимание трудящихся всего мира в течение многих дней было приковано к героическому отряду полярников, находившихся среди дрейфующих льдов Чукотского моря. Радиодонесения из лагеря Шмидта говорили о высокой отваге, организованности, дисциплинированности и большевистском мужестве полярников Страны советов. Организованность и дисциплина не только обеспечили сохранность жизни людей, находившихся на дрейфующих льдах, но создали условия, при которых им могла быть оказана помощь.

Спасение челюскинцев является самым героическим подвигом нашей советской авиации.

На советских самолетах опытные, отважные, безгранично преданные нашей стране советские пилоты покорили полярную стихию.

Товарищам ЛЯПИДЕВСКОМУ, ЛЕВАНЕВСКОМУ, МОЛОКОВУ, КАМАНИНУ, СЛЕПНЕВУ, ВОДОПЬЯНОВУ, ДОРОНИНУ, непосредственно участвовавшим в спасении челюскинцев, Центральный исполнительный комитет СССР присвоил звание „ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА".



П 29
34

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт №4412

ШУТКА

Рассказ О. Перовской
Рисунки М. Горшмана

Она шагала посреди дороги. Было очень жарко и душно. И если бы она была человеком, она давно бы уже отдувалась и обмахивала платком потное лицо и шею. Но она не была человеком и не могла потеть. Вместо этого она высовывала красный мокрый язык, и капельки с него мягко падали в пыль.

В середине поселка, на главной улице, была почтовая контора. Громкий бас заставил конторщика просунуть нос сквозь железные прутья окна.

Вся в белых длинных локонах, громадная собака смотрела в окно из-под косматых бровей.

— Шутый [1] с овчарни пришел за хозяйской газетой. Минута в минуту всегда пришлепает! Как будто у него на лапе часы!

Осторожно взяв в зубы газету, собака отправилась в обратный путь.

Выйдя в открытую степь, Шутый завернул хвост калачом и затрусил к едва видневшимся точкам — сараям.

Справа и слева дороги белели полынь и ковыль. Степной ветер пахнул овечьим стадом.

Где-то в степи стоял, опираясь на посох, пастух — чабан. Овчарка хлопотала возле стада, проверяла норы разбойника-лисовина. А пушистые как тюки ваты мериносы тихо брели среди пахучих трав.

Шутка родился возле овец, прожил с ними всю жизнь и состарился. Теперь он уже два года жил с собаками на псарне. Ему не приходилось больше целыми днями загонять овечек, трудить старые лапы в длинных переходах, дрожать в непогоду и бурю. У него было логово под крыльцом флигелька, и раз в день он ходил в поселок за хозяйской газетой.

Это была очень легкая работа. Шутка к старости заработал отличную жизнь и покой. Но что все это стоит для настоящего, прирожденного чабана!

Если бы он мог немножко меньше слушаться хозяина, он сейчас положил бы в пыль газету и свернул бы от сытой спокойной жизни туда, к пастухам, к овечкам, к тревогам и бурям.

Но газета...

Шутка отфыркнул из ноздрей воспоминания молодости. Собаки не умеют вздыхать. Он продолжал свой путь.

Неожиданный шум и задорные щенячьи голоса у дороги собрали суровые морщины на шуткином лбу:

— Что за непорядки? Этого никогда здесь не было.

Голоса рычали, захлебывались, лаяли. Кутерьма в траве заварилась вовсю.

На край дороги, под самым шуткиным носом, выбежали четыре мордастых щенка.

При виде нахмуренного Шутки веселье сразу потухло и щенки в замешательстве сели рядком.

Шутка подошел, опасный как плетка.

Во-первых, что это за шум и беготня в рабочее время? Потом, кто им позволил убегать так далеко от сарая? И вообще, как они себя держат со своим дедушкой?

Щенки опрокинулись на спину, дрыгали ногами, извинялись.

Шутка строго обнюхал каждого. Придраться было не к чему, а лежачего не бьют.

Через минуту щенки увивались и целовали его в морду. И вдруг один сорванец дернул зубами газету.

Газету!!! Хозяйскую газету!

Шутка рявкнул как гром. Газета упала на траву. Негодный щенок, захлебываясь от плача, потирал лапой прокушенное ухо.

Теперь он будет знать, как надо обращаться с хозяйскими вещами.

Шутка вернулся к газете и... остолбенел.

Газета пропала.

Вдалеке, у самого крыльца сторожки, неслись три мордастых белокурых щенка. Они прыгали, подбрасы-

[1] Шутый — безрогий, комолый.

вали в воздух и разносили на клочки то, что было священной хозяйской газетой...

Хозяин оттолкнул Шутку ногой, когда он подполз к нему по земле.

Он с отвращением сказал: «Пошел прочь, старый, ни на что не годный бездельник. Я сам теперь буду ездить за газетой на велосипеде».

Шутка подошел, опасный как плетка.

— Ты напрасно с ним этак, товарищ Боровский,— заступился за Шутку зашедший на псарню чабан.—Я эту собаку хорошо знаю. Это Шутый, собака Шевченки. На всей псарне другого такого не выбрать. Было время, он нас, чабанов, не раз из беды выручал. Както раз, спасая овечек, он так обгорел, что целый месяц приезжал к нему в степь из поселка ветеринар. Лечил ему лапы и морду.

Слышал ли Шутка, что говорил о нем седой чабан?

Ветер дул с овечьих сараев.

Шутка улез под крыльцо, поймал ноздрями знакомый запах, опустил голову на лапы и загрустил.

★

Атагаса Шевченку и тогда уже называли «Пивтора дидку». Свой полный трудовой век отработал чабан да еще прихватил половину чужого века.

Вот и выходило один с половиной дедовых века — «Пивтора дида вику».

Молодые пастухи — чабаны — удивлялись, откуда у старого такая прыть? Не угоняться за ним по степи!

Легконогий, бежал он за Шуткой к новорожденному ягненку. Нес на плечах большую овечку к далеким сараям. И, распевая, помахивал посохом-герлыгой долгий летний день.

— Вот наш дидко, так дидко! Богатырь, не чабан. Ему бы над войском воеводить, а он в чабанах век коротает.

Все любили и уважали деда Шевченку. Но больше всех любил его верный помощник и друг — овечья собака Шутый.

Шутка тогда был совсем молодой. Он был самой огромной овчаркой во всей Мелитопольщине. И так ревностно и умело сторожил он стадо, что в отаре Шевченки никогда не случалось потерь.

Однажды отара паслась далеко от сарая, в 5—6 километрах от залива Сиваша.

Шевченко лежал на земле и глядел в синее небо. А Шутка лежал, глядел на хозяина.

В углу неба наплывало какое-то облачко.

Вдруг Шевченко поднялся с земли и с необычайной для него торопливостью стал натягивать полушубок.

Шутка тоже вскочил. Обежал вокруг стада. Сбил овечек в кучу и взглянул на Шевченку.

Хозяин велел поворачивать домой. Он так торопился, что ронял свою палку. Волнение его сообщалось собаке.

Она сильно толкнула вперед вожака — козла с бубенцом, или тронкой, на шее. Козел мешкал. Шутка дернул его за штаны. Цап—козел—побежал, громыхая своим бубенцом. За цапом потянулось стадо.

Не успели отойти и версты, как маленькое облачко разрослось в огромную тучу.

Горький ветер примчался от Сивашей и затрепал полушубок у человека и белые космы собаки.

Туча росла и росла и как хищная птица спускалась к земле.

Стало темно словно ночью. Овцы дрожали. Цап останавливался, не хотел вести стадо. Козел ждал чабана. С человеком нестрашно.

Вот туча накрыла крыльями землю. Ветер рванул клубы пыли, пучки травы.

Сверкнула молния, и небо треснуло от края до края. Овцы кинулись врассыпную. Чабан успел снять с козла ошейник с тронкой. Он тряс его, что было мочи, звонил.

Шутка носился по кругу. Овцы сбились к тому месту, где звонил бубенец вожака.

Первый натиск грозы миновал. Отара пока уцелела.

Может быть, сейчас хлынет ливень и гроза пронесется над стадом так же стремительно, как она налетела?

На это сильно надеялся атагас.

Но гром разразился опять.

Раз! Два! Три раза подряд загремело вверху.

Овцы не слышали больше тронки. Они мчались неизвестно куда. Пришло страшное чабанское несчастье. В ненастные «воробьиные ночи» — ночи среди дня — гибнут целые отары овечек.

— Отара рушает! Рушает! — закричал старый чабан и в горе упал лицом на землю.

Ливень прошел стороной. А в тех местах, что пришлись в полосу дождя, потоки смыли целые хаты.

Атагас Шевченко нес на плечах большую овцу к далеким сараям.

Над Шевченком гроза пронеслась без дождя; только ветер ревел да зеленый огонь пробегал над лежащим ничком человеком.

А овечки бежали по степи. Шутка пробовал их завернуть, собрать в кучу, остановить.

Напрасно! Овечки не слышали лая, не чувствовали укусов. Они бежали все прямо, в черноту степи.

И Шутка бежал вместе с ними.

Так овцы домчались до берега моря. Перед ними плескались соленые воды Сиваша. Страх сильнее всего. Овцы кинулись в воду. Поплыли. Вода заклубилась от сотни огромных овец. Сверкнула молния. Овцы боролись с волнами, плыли, не зная куда...

На рассвете Шевченку разыскали чабаны. Старик за сутки осунулся как после болезни. Он ни о чем не хотел слышать. Пропали овечки. Шутка пропал. Ну какие тут могут быть разговоры!

Ни за что не хотел он вернуться домой. Он решил исходить всю степь: разыскать овечек и Шутку, живых или мертвых.

Без устали рыскал старик по степи. Он звал Шутку, тряс бубенец. За ним, усталые и голодные, плелись чабаны.

Перед вечером ветер снова подул от залива. Он выл так тоскливо и страшно, что сердце стыло в груди.

—Ишь воет над морем! Ну, прямо, нечистый дух! Какие тут к ночи овечки? Темно уже стало. Дедко, домой!

Но дед вместо ответа шел и шел к Сивашу.

Вот блеснула вода на заливе. Дед стоял на берегу. Над заливом темно и ненастно. Темная пена клубится у ног. Пена туч наверху.

Жуткий голос кричит над заливом: «У-у-у-у!!!».

Старик скинул тулуп, чоботы и пошел в воду.

— Очумел ты, старик! Утонуть вздумал с горя. Ну, топись, коли так, мы тебе не товарищи!

А старик только махнул рукой. Погрузился по горло, поплыл.

Он плывет, а навстречу ему страшный голос: «У-у-у-у.. »

Вот в последних отблесках вечернего света перед дедом отмель. На песчаной косе сбились в кучу овечки. А от них в стороне, у самой воды, надрывается Шутка: «У-у-у-у!..».

Пес исполнил все, что требовала от него служба.

Он не бросил отары в беде. Он собрал ее здесь, на отмели, сторожил для хозяина и кричал, звал его.

★

По ступенькам крыльца застучали шаги. Это был не Шевченко. Это другой шуткин хозяин: тот, который сегодня бил Шутку за порванную газету.

Он спускался во двор. Практикант Института кричал из сарни оторопелым от радости голосом:

— Товарищ Боровский! Да идите же скорее! Говорят вам, что опыт удался! У Белянки родились лисенята, то бишь эти, как их, лисопесики. Дети нашего лисовина.

Шаги побежали с крыльца.

Шутка видел потом, как, радуясь, люди поставили возле крыльца лукошко со странно пищавшими щенками. Прибежала в тревоге Белянка. И прыгала на грудь Боровскому, просила не трогать щенков.

Практикант помчался в Институт: не терпелось ему рассказать о рождении гибридов. А Боровский подсел к лукошку, с интересом рассматривая новых жителей земли.

Хозяин радовался новому своему помощнику, Шутка в первый раз не радовался вместе с хозяином. Он знал только одно: хозяин сердит и не хочет о нем вспоминать.

Лежать ему стало теперь неудобно. Он долго ворочался, скулил. Потом, с тайной надеждой заслужить прощение, вылез наружу и, ссутулившись, стал глядеть на людей и лукошко.

Хозяин его не окликнул. Он взвешивал на весах новорожденных.

Тяжело наступая на лапы, Шутка вышел за флигель в степь. Тут дул ветер с овечьих сараев, и под песню ветра Шутка опять задремал.

★

После купанки овечек надо беречь от дождя. Через несколько недель начинается стрижка: попадут овцы под дождь — подпарится шерсть, собьется в ком. Не будет в ней шелковистости, блеска. Большой будет убыток камвольному делу.

Шутка собрал отару на отмели и кричал, звал хозяина

У атагаса (старшего чабана) Шевченки овечки всегда приходили к стрижке все как одна, любо-дорого.

Уж кому, как не Шевченке, знать, как водить тонкорунных овечек!

Однажды с утра ушли пастухи в степь. Только успели отойти, дед Шевченко зашел за сарай и стал громко протяжно гукать чабанов домой заворачивать.

Неохотно повернули овечки домой. Душно летом в сараях, парно как в бане. Тяжко дышат заросшие длинной и жаркой шерстью бока мериносов и английских баранов — линкольнов. Рты открыты, на мордах мученье. Все толпятся у выхода, под окнами. Тянут головы ко всякой щелочке, чуть потянет ветерком.

Хорошо им среди степи, на воле. А тут, только пошли, отдышались—и снова назад, в эту баню.

Запрыгали, балуясь, цапы. Трясут бородами, не хотят возвращаться назад. И овечки, словно прилипли к траве, не отцепишь никак.

А старик-атагас все сильнее гукает, кричит на всю степь: «А-а-а! А-а-а-а!»

Потекли, потянулись к сараю овечки. Старик их принимал, размещал по загонам и чабанам на небо показывал: «Дескать, видите, тучки».

Наконец, вернулось из степи и последнее стадо — отборная чудная сотня баранов. Все самцы-мериносы. У каждого на голове крутые кольца рогов. Каждый весом в 12—13 пудов. И у каждого в ухе продета медаль «Асканийское элитное стадо».

Такая Элита — гордость всякой страны.

Атагас их дождался. Сосчитал их, проверил и загнал по станкам.

Только успели попрятать овец, почернела степь. Засверкали зарницы.

Дед стоял на пороге сарая, опирался плечом о косяк и шутил с чабанами.

Старика не поймаешь. Нет у него ни барометра, ни термометра, а чует он непогоду словно петух.

Тут подкралась к сараю тихая молния. Сверкнула, и дед, обернувшись на сарай, как бешеный крикнул:

— Ратуйте! На помощь! Овечки!

Сарай полыхал как береста.

Ну ж и прытко мелькнул мимо чабанов удалой атагас.

— Элитное стадо! — кричал он на бегу.— Спасайте элитных баранов!

И через огонь — в дым сарая.

Ну, а кто же за дедом?

Первым прыгнул за ним, ни минуты не мешкая, Шутка. А тогда уже попрыгали все чабаны.

Ох, и было в сарае!

Шевченко хватал за рога надменных элитных баранов. Он пихал их ногами, толкал, тащил их к огню и кидал через костер на свободу.

Шутка лихо ему помогал, поторапливал, гнал. А не шли, так врызался им в ляжки, в загривки.

Сам, один без людей, он пугнул из угла сотню глупых овечек. Лязгнул, рявкнул на них, и они, не помня себя, пронеслись через пламя наружу.

Наконец, остался в сарае один меринос. Но какой! Это был «сто девятый». У него были две золотые медали. Он ездил в Германию. Лучшая линия в СССР были все сыновьями «сто девятого».

Стоил он много тысяч.

И такой чемпион вдруг забился за плахи, в угол, тряс рогами и ни за что не хотел выходить: испугался.

А сарай уже весь светился насквозь. Весь трещал и шатался, как будто он трогался с места. Крыша вот-вот рухнет.

Атагас напрягал все силы, но пятнадцать пудов упирались, тянули назад.

В едком дыме люди не видали друг друга.

Чабаны пробирались на воздух. Атагас и баран, задыхаясь, боролись в углу.

В это время на Шутку свалилась сгоревшая в уголь решотка. Он завыл. Шерсть на нем занялась. Он хотел покататься по полу. Пол был весь в горячих угольях.

Над глазами у Шутки сгорели ресницы и брови. Лапы до мяса спеклись на жару.

Тут он услышал голос:

— А ну, Шутка! Поддай! Шутый, усь, усь, собака. Ату! Ну-ка, Шутка!

Шутка сразу забыл про всю боль. Пал на спину барана. Вцепился. Баран сиганул, и все трое промчались на волю.

Следом за ними рухнула крыша. Обожженные люди им что-то кричали, смеялись.

А старик и собака упали у ямы. На них кидали прохладную землю. Утишали злые укусы огня.

★

Лапы сильно задергались, словно Шутка помчался куда-то во сне. Он брехнул, поворчал и проснулся.

Боровский с утра обошел свое хозяйство. Выдал пару щенков чабанам на сарай.

— Хорошие будут щенки. Не такие как Шутка, а все-таки добрые будут собаки. А, кстати, где же старик? Я не видел его со вчерашнего дня?

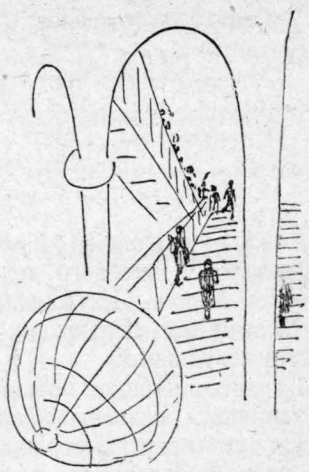
Он вспомнил про Шутку и нагнулся к нему под крыльцо.

А когда распрямился, к нему уже подходила седая собака. Она осторожно держала зубами газету, в которой имелась заметка: «Интересный для науки опыт смешивания лисиц и собак как будто бы увенчался успехом. Срочно, по телеграфу, нам сообщили вчера, что в Институте гибридизации получены первые лисособаки. В ближайшие дни мы дадим о них подробные сведения».

Баран сиганул, и все трое промчались на волю.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Н. Адольф *Рис. М. Аскинази*



ВОЖАТЫЙ ПРИДУМЫВАЕТ ФОКУС

Ребята, я из 22-го отряда. Знаете? Отряд у нас ничего, пионеры как пионеры, один Витька Лосев — сплошной позор. От нагрузок виляет, в школе «неуд», даже зубы ему лень вычистить. Новому вожатому мы выразили наше пожелание: известного Витьку как лентяя и бузотера в шею вон из отряда.

Вожатый говорит: «Он парень способный, только упрям, и нет вкуса к работе. Тут надо не в шею, а фокус придумать».

Мы, правда, сомневались:—уж на что лучше фокус—черная доска, и та наоборот подействовала.

Во вторник приходит вожатый на сбор и вызывает:

— Ребята, кто из вас знает, как добывают нефть?

— Никто!

— Кто видел, как ловят китов?

— Никто.

— А кто был в Москве?

Тут, безусловно, смех.

— Да мы тут живем!

— Я говорю про будущую Москву, какой она станет через 5—7 лет.

— Да там и жить будет нельзя. Смеешься!

— По-вашему, нельзя, по-моему, можно. Так вот я предлагаю сейчас же отправиться в путешествие. Побываем и в Крыму и около полюса, поплаваем по Беломорскому каналу, осмотрим все новые заводы...

— И те, которые через пять лет будут?

Это Витька крикнул. Я подумал: «Вот заноза!»

— Да, и те тоже. Времени у нас уйдет немного: сейчас одиннадцать, а в четыре мы будем дома.

Выскакивает Петька. Конечно с вопросом. Мы его так и прозвали «вопросником».

— У меня вопрос. Это кино?

— Нет, не кино. Так как, едем?

— Ну, еще спрашивает!

Сели на 4-й трам. Витька тоже. Сам. Никто его не «нукал». Едем. Вожатый шутит с ребятами про радиогитару, а мне на ухо: «Наблюдай за Витей».

А что за ним наблюдать? Ковыряет лед на окне в трамвае.

Вылезли на Лубянке. Обыкновенный дом в три этажа. Никаких заводов не видно. Только разделись, вожатый куда-то пропал. Стоим, стоим, даже сомневаться стали. Вдруг из-за колонны вожатый и с ним какой-то очкастый. Очкастый к нам:

— Товарищи - пионеры, вы находитесь на «Выставке наших достижений», открытой к XVII партс'езду.

Тут Витька сзади как крикнет: «Где полюс? Покажи полюс! Надули!»

А за ним другие в голос: «Радиогитару! Трактор! Апельсины!».

Вижу, поднялся шум. А вожатый ни в зуб ногой.

— Ребята, этот товарищ — руководитель. Слушайте его об'яснения. Держитесь вместе. Путешествие начинается.

Я даже зажмурился от света, как вошли в зал. Девчонки пищат: «Магнитогорск, Магнитогорск!» И, честное пионерское, ребята, Магнитогорск! Верно, маленький, стоит на столе, но все в точности, даже лесенки у домен как у настоящего. И по такому малому еще лучше понять, как работают на том большом. Наша Мирра — девочка такая, на голову твердая,— и то высказалась:

— Я теперь знаю, как делается сталь. В школе все только говорят, а здесь: пощупать можно.

Климов ей басом (у нашего Климчика две приметы: бас и радио любит):

— Ты не очень щупай, весь завод раздавишь.

В другом зале—Бобриковский комбинат. Тоже как настоящий, только газопроводы у него из стеклянных трубок, и по ним вместо газа синий свет пущен.

Оказывается, химические удобрения делают из воздуха и воды. Очень здорово!

Вожатый спрашивает: «Обманул я вас, ребята?»

Ну, ясно, все: «Нет, нет!» А он мне опять: «Наблюдай за Витей».

А Витька стоит у другой стены, смотрит, как из елки искусственный шолк делают.

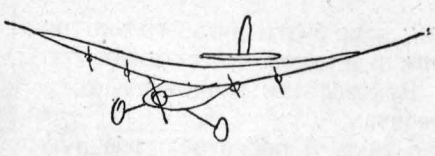
— Ну, как,— говорю,— здорово? Это тебе не собак гонять.

А он мне: «Иди к чорту!»

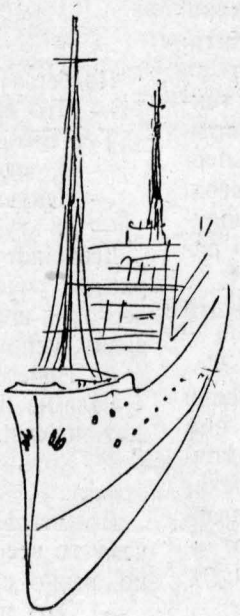
Счастье его, что я сознательный.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

А в других залах какие, ребята, машины, станки! Есть даже в натуральную величину. Не знаешь, куда кинуться. Тут блюминг, такая махинища, прокатывает стальные болванки. Видели липу возле клуба?



Пятимоторный аэроплан.

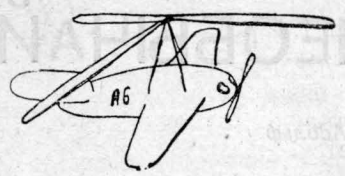


Модель советского торгового судна.

Подарок Ярославского завода XVII партс'езду. Этот автобус вмещает сто человек.

Деревянная модель дирижабля.

Шарозонд. Он без летчика отправляется в небо и возвращается, разведав состояние атмосферы.



Такой самолет поднимается с земли без разбега.

Так куда потолще. Тут сверлочки для аэропланов и часового дела. Прямо, невозможная мелочь. Катя даже подумала, что нарисованные. Делают их на Московском инструментальном.

Я с автомобилями больше сзади знаком: подцепишься и поедешь, а здесь познакомился со всем внутренним устройством. Стоит машина, стенки сняты, все части видно, и, чтобы еще яснее было, мотор пускают. Автомобиль наш — «ГАЗ».

Еще что мне понравилось: стоят возле станков и машин инженеры-изобретатели. Такие веселые, все об'ясняют и ничего не важничают. Небось, если бы Петька придумал графоконтроллер, надулся бы как павлин. А с этим графоконтроллером начальнику станции — лафа. Сидит в кабинете и все знает, что на станции делается: сколько поездов прошло и какие, потому что у него на столе этот самый аппарат — графоконтроллер, а под рельсами, у семафора, запрятана контактная педаль. Поезд летит, прогнет рельсы, нажмет на педаль — пойдет ток по проводам, начнет аппарат выстукивать на ленте дырочки. Начальник выдернет ленточку и прочтет: «Паровоз «Э» — 12 вагонов пассажирских, 5 товарных». Сколько дырочек — столько осей прошло. Ничего придумано? Это трое наших инженеров в подарок с'езду.

А инженер Смугляк построил первый советский перестроткальный станок-автомат. Как я понял, на простых станках ткачу очень волокитно: и грузики передвигай, которые нитки натягивают, и нитку в уток всасывай. А этот автомат все сам делает, только нажми кнопку, пусти его. Ткет материю — клетка в четыре цвета — и ничего, не путается. И может вызвать на соревнование полсотни простых станков. А если неприятность — нитка лопнет, сейчас: стоп машина! Сам остановится.

Только мы отошли от этого станка, Катя с Петькой спепились: получит инженер награду или нет. Петька: «Не получит. Подумаешь, какая важность — ткацкий станок! Это вы, девчонки, тряпье любите». А Катя: «Получит, получит, получит!»

Дошло дело до руковода. Он раз'яснил, что текстильные станки нам очень нужны. Во вторую пятилетку будем их строить в шесть раз больше чем в первую. А про награду так: «Будь ты инженер, конюх, землекоп — все равно, если хорошо работаешь, получишь награду. В нашей стране ценят человека по работе. Самое позорное слово у нас — «лодырь».

Я не утерпел, обернулся на Витьку. Он стоит, будто не слышит. Дудки! А почему уши красные?

Еще показывали наборную машину — линотип. Тоже наша. Завод Макса Гельца. Сбоку у нее клавиши как на пишущей машинке. Работница стучит по ним пальцами, и сверху выскакивают рогульки — формочки букв — и строятся в нижнем жолобке в ряд. Поехали рогульки по жолобу, окунулись в котелок с расплавленным металлом, выскакивает на нижний жолоб отлитая палочка — строчка. Только у нее все буквы отпечатаны задом наперед. Вот так:

ПРИВЕТ ПИОНЕРАМ УДАРНИКАМ УЧЕБЫ

А на другой печатной машине — она рядом стоит — уложат эти строчки на плиту, намажут краской, прижмут бумагу, и получится правильно:

ПРИВЕТ ПИОНЕРАМ УДАРНИКАМ УЧЕБЫ

Это нарочно для нас набрали.

Еще видели наши могучие паровозы «Сталин» и «Дзержинский», Днепровскую электростанцию, Челябинский трактор «сталинец». Еще видели шарикоподшипники, троллейбусы, под'емные краны, электрозаводские лампы; еще комбайны, бетономешалки, еще... да не могу я все рассказать, ребята. Это три недели говорить надо, а 10-го у меня зачет по математике. Сорок девять зал — подите-ка сами. Мирра уже в «транспорте» присаживаться стала.

И если я чего не видел, так все из-за Витьки. Навязал его вожатый на мою ответственность. Пошли мы смотреть опыты по расщеплению атомного ядра. Руковод стал об'яснять! «Вы, ребята, конечно, учили физику и знаете, что такое атом?» Тут Витька брысь в другой зал. Я, ясно, туда же.

— Ты, — говорю, — почему не хочешь видеть наши достижения?

А он:

— Я все равно не пойму. Тут нужно физику знать.

Я вижу одним глазом: в том зале пустили генератор. Гром гремит, молнии летают, у всех ребят волосы от электричества дыбом встали. Брат мне говорил, что если бы удалось эту энергию, которая получится от раздробления атома, заставить на нас работать, то это была бы, может, самая большая победа человека. И такая мне досада: там мировая установка работает, а я не присутствую. И все из-за Витьки. Стоим мы оба и чуть не ревем.

ТЕМНАЯ КОМНАТА

Подбегает вожатый:

— Что вы, ребята, Витя, ты не болен?

Тут Витька и брехни, чтобы отвертеться:

— Я, кажется, иголку проглотил...

— Какую иголку?

— Да ту, маленькую, нарисованную.

Девчонки, конечно: «Ах, ах! Бедненький!» Витька расцвел, чувствует себя в центре. Я мигаю руководу: дескать, врет, не верьте. Руковод, должно быть, не видит, успокаивает:

— Ничего, ребята, не волнуйтесь.

Галя на него как коршун: «Как не волнуйтесь? Может, иголка Вите уже в руку ушла».

— Хоть в ногу. — И вынимает из кармана пластинку.

Посмотрели — снимок: как будто рука, только почему-то все кости видны, и в одном месте темное пятно, верно свет попал. Руковод так спокойненько:

— Это моя рука, ребята.

Тут сразу стало тихо-тихо. Я посмотрел: обе руки у него целы, только на правой здоровый шрам.

— Товарищ руковод, что же это такое?

— Я, ребята, был ранен. Видите: на пластинке черное пятно — здесь у меня в руке сидела пуля. Это рентгеновский снимок. У нас на выставке есть наши советские рентгеновские аппараты. Сейчас мы отведем туда Витю, снимем, узнаем, где у него иголка, и тогда легко будет сделать операцию.

Только он выговорил: «сделать операцию», как ребята в хохот:

— Лосев, не вертись! Ой, осторожно, иголка выскочит!

Витька бежать.

Я взглянул на вожатого и тоже — раз! — расталкиваю народ, лечу. Витька в один зал — я за ним, он в другой — я... потерял я Витьку. Но духом не падаю, бегу еще быстрее.

Влетаю сразмаху в какую-то комнату. Бац! — дверь за мной закрылась. Темно. Только где-то, в глубине, лампочка светит. Немного прочухался, стало видней. Оказывается, лампочка в какой-то аппарат свинчена. Перед ним кресло, а около неизвестный парень курчавый предлагает мне садиться.

— Да я...

— Садитесь, вас ждут.

— Кто ждет?

— Садитесь.

Сел. Ничего не понимаю. Пощупал кресло — кожаное. И вдруг прямо в лицо голоса наших:

— Мухин, будь готов!

Отвечаю: «Всегда!» А сам ничего не понимаю...

— Мухин, гляди прямо, поправь галстук.

Как будто, Галя. А никого не видно. Тут я не вытерпел.

— Ребята, это вы?

— Мы.

— Вы меня видите?

— Видим.

— А я вас — нет.

Смеются.

— А Витька с вами?

— С нами.

Тут я тоже стал смеяться. Хоть все равно ничего не понимаю. Спасибо, «вопросник» выручил. Слышу надсаживается:

— У меня вопрос. Мухин, где ты и что с тобой делают?

— Через два зала от вас (это об'ясняет курчавый), а делают с ним вот что. Мы освещаем лицо вашего товарища. Свет, отраженный от его лица, падает на фотоэлементы, перерабатывается в электрический ток и усиливается в 2½ миллиона раз. Ток идет в приемник, там опять перерабатывается в свет, и на экране появляется лицо. Это называется телевидением — передачей изображений по радио. Мы можем передавать изображения за тысячи километров, из Москвы во Владивосток. Запомните: вся аппаратура сделана на наших заводах.

Ребята кричат:

— Мухин, довольно, «нателевиделся»! Пошли в буфет чай пить.

А мне так понравилось, что и уходить не хочется. Так бы сидел и сидел.

ВИТЬКА НЫРЯЕТ ПОД ВОДУ

Пока пили чай, руковод спрашивает:

— Ребята, как одним словом выразить все то, что вы видели?

Мы все враз: «Пятилетка!»

— Правильно. Все эти заводы, станции, машины, станки, аппараты построены за пятилетку нашими руками, на наших заводах. Ничего этого раньше у нас не было. А сейчас Советский союз превратился в технически могучую страну, которая ни от кого не зависит и никого не боится. Этого мы достигли потому, что много и упорно работали.

Словом, сказал вроде речи.

Тут Галя и подзуди (очень уж она любит подзуживать и нотации читать):

— Плохо твое дело, Лосев. Нигде лентяев не нужно.

Витька вообще с гонором. А тут при всех. Он и зашумел:

— Сами вы мне не нужны. Уйду от вас.

— Интересно, куда? Где ты жить будешь? На нашей земле везде работают.

— А я под землю.

Просто сболтнул. Прицепился к слову. А что вышло?..

Кончили чай, пошли. Петька повис на руководе.

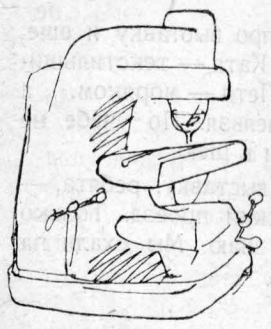
— У меня вопрос: куда мы идем?

— Под землю.

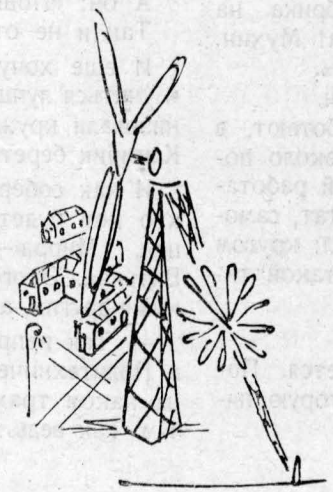
Ну, скажу, я этого не ожидал. Мирра сразу домой захотела. Ребята тоже мнутся. Один Климчик улыбается, верно, знает, но свински молчит. Я, конечно, не испугался, но почему не сказать товарищу?

Вдруг говорят: «Пришли». Пока ничего страшного. Просто, очень тесно. Народу!.. Ничего не видать. Я потрогал какие-то черные куски (они на столе лежали): уголь. Без него паровозы и электростанции работать не станут. Уголь! А где его добывают? Под землей! И как это я раньше не догадался!

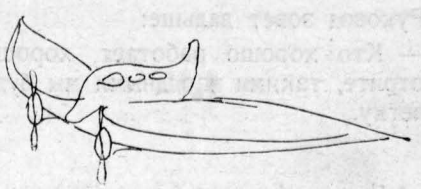
Тут народ расступается, и мы прямо к шахте. Показана в разрезе. Коридоры длинные-длинные; ходит врубовая машина, подрезая пласты. В другой шахте угольный комбайн: режет уголь, рубит и выкидывает на ползучую ленту — транспортер, а уже потом электровозы вывозят этот уголь наверх. И там, ребята, под землей, тоже ударники, герои труда, да еще какие. Инженер Карташев так устроил работу в шахте, что ни машина, ни рабочие даром не стоят. Никита Изотов — самый лучший забойщик на весь Союз и учит ударно рабо-



Вертикальный сверлильный станок.

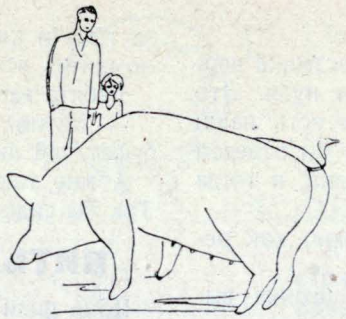


Ветряк, дающий энергию и свет целому поселку.



Деревянная модель нового пассажирского самолета.

Девчата заглядывались на образцы прекрасных трикотажных костюмов.



Эта модель сделана точно по живой свинье. Размеры ее необычайны. Целая фабрика мяса.

Мы научились делать красивые вещи. Эти кувшины мы отсылаем за границу в обмен на машины.

тать молодых.

Руковод подает знак, чтобы слушали:

— Вы, ребята, у меня много спрашивали. Теперь я хочу задать вам один вопрос: совсем близко, почти под нами, на Лубянской площади, есть шахта, там не добывают уголь, но...

Ему и кончить не дали:

— Метро! Метрострой!

Ведь верно, и как это я раньше не догадался!

Тут ребята прижали Витьку:

— Что Лосев, и под землей работают, и здесь нельзя лодыря гонять!

Витьке бы сдаться, но он уже залез в пузырек, чудит...

— А я под воду нырну!

— Ну, что ж, — говорит руковод, — придется и нам, ребята, нырнуть под воду.

И нырнули. Прямо скажу, полное было представление, что ныряем. Пяток ступенек, а внизу стеной вода. Зеленая, переливается, водоросли плавают, виден бок затонувшего корабля. Около водолазы в костюмах (теперь я знаю, ихний костюм 10 пудов весит) чинят пробоину. Такая сделана панорама, изображает работу Эпрона. Молодцы эти эпроновцы! Сто десять кораблей со дна подняли и тысячи тонн лому и всяких механизмов. Прямо, как несколько заводов из моря выловили.

А на воде тоже работа: баржа — целый город, столько лесу возит, сколько 12 поездам не увезти. Корабль-землечерпалка землю со дна выгребает, чистит реку. Пароходы, теплоходы, ледоколы, каждый свое дело делают. Петька у нас — рыболов: он все рыболовные судна искал. А как нашел, только и слышно: «Таня, гляди — траулер — рыбная фабрика на воде! Какая треска, ребята, 25 кило штука! Мухин, да посмотри, как электричеством рыбу ловят».

А мне так больше всего понравился Эпрон.

Проходим залу за залой: на заводах работают, в колхозах работают, идем через Арктику — около полюса работают, на воде работают, под водой работают, в воздухе работают: дирижабли, стратостат, самолеты. Я только о будущих городах вспомнил: кругом все лица веселые, кто же там, в сторонке, такой тихий? А это наш Витька Лосев.

Руковод зовет дальше:

— Кто хорошо работает, хорошо одевается. Посмотрите, такими нарядными мы будем во вторую пятилетку.

Я, конечно, не девчонка, но скажу, ребята, и мне от такой красоты было приятно. С потолка к полу спущены материи: шелка, бархат, сукна и еще совсем воздушные, как радуга играют, — голубые, золотые, красные. От шелков прямо свет идет.

Руковод опять: «Кто хорошо работает, тот вкусно ест». Тут мы попали в пищевой отдел. Чего там только не было: колбасы, сыры, консервы, мармелад, шоколад. На тарелках, на столе, кушанья расставлены: говядина с хреном, котлеты с горошком, мусы, компоты, как вкусно, как много — и это простой обед ударника.

Руковод спрашивает: «Устали ребята?» И почему-то на меня смотрит. Я раз'ясняю: мне ничего, но не знаю, как девочки. А сам уже хромать собираюсь.

И отдыхали мы, ребята, в субтропиках, на Кавказе, где около моря, в роскошных дворцах, отдыхают наши ударники. Сидели под настоящими пальмами. Кругом целые горы настоящих апельсинов, лимонов! Такие громадные, в два кулака, и пахнут на всю залу.

Время три, а уходить неохота.

Руковод об'являет: «После работы нужно повеселиться».

Спускаемся по лестнице — навстречу нам музыка: радио, патефоны играют. В правом зале — занавеска плохо задернута — видно: свет потушен, и на стене мелькает... кино! Ну, разве наших ребят удержишь? Все туда. Только Витька отстал. Я вижу, подходит к руководу и что-то ему шопотом. Руковод — тоже шопотом. Витька идет назад, но, замечаю, сам улыбается. Я спрашиваю:

— Это вы о чем?

А он: «Пошли, пошли в кино!»

Так и не ответил.

И еще хочу сказать: после выставки наши ребята и учиться лучше стали и работа в отряде пошла. Организовали кружок моделистов, юных друзей Автодора. Климчик берется за радиокружок.

И как соберемся, все говорим про выставку и еще, кто кем будет. Я — электриком, Катя — текстильщицей, Мирра — животноводом, Петя — моряком, а Витька... Этого Витьку узнать нельзя. По учебе не хуже других, а мы его еще хотели в шею.

— Так непременно сходите на выставку, ребята, — в Политехнический музей, Лубянский проезд. Только на каком трамвае вам ехать, не знаю. Мы ехали на 4-м. Так ведь мы из Сокольников.

БИОСКОП

ИЛИ СООБЩЕНИЯ ИНЖ. ГИДРОЛЮБОВА О ВЕЩАХ МЕЛКИХ И КРУПНЫХ, ВИДИМЫХ И НЕВИДИМЫХ, ОТДАЛЕННЫХ И БЛИЗКИХ, ИЗВЕСТНЫХ И НЕИЗВЕСТНЫХ

Границы слуха у различных лиц различны. Некоторые люди очень чувствительны к низким звукам: не слышат писка летучей мыши, звуков сверчка, даже чириканья воробья.

Нет ничего поразительнее, как видеть двух человек, вовсе неглухих, из которых один жалуется на пронзительную резкость звука, между тем как другой утверждает, что вовсе нет никакого звука.

Физик Тиндаль рассказывает, как он однажды в Швейцарии переходил гору вместе со своим другом. Впереди них шел осел, и глухой топот этого животного был явственно слышен другу Тиндаля. Сам же Тиндаль решительно ничего не слышал кроме стрекотанья кузнечиков.

Зато этого стрекотанья не замечал его товарищ: звуки кузнечика были за пределами его слуха.

●

Один американец уверял, что он слышал голоса муравьев. Он ставил в муравейник специально сконструированный им микрофон и слушал.

Кроме стука и шуршанья, которые производили муравьи своими ногами, он слышал еще резкий писк как в курятнике.

●

Собака слышит те звуки, которых не различает человеческое ухо.

Одним французом был изобретен специальный свисток для собак-ищеек. Человек не слышит звуков этого свистка, а собаке они кажутся необычайно пронзительными.

Выслеживая вора, хозяин собаки может подать ей сигнал, приложив свисток к губам.

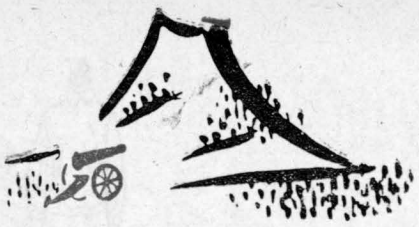
Собака его услышит, а преступник ничего не будет подозревать.

●

Если бы мы обладали слухом, более тонким чем наш, мы услышали бы, как со страшным грохотом несется кровь по нашим артериям, как с шипеньем и свистом пролетает бабочка над цветком, как в сухую погоду трещат древесные волокна в карандаше.

●

На ровном месте, в степи, пение кузнечика слышно более чем за версту.



Если зарядить одинаковым зарядом две пушки и выстрелить из одной на вершине высокой горы, а из другой в долине, то выстрел нижней пушки будет слышен на вершине горы. Между тем, выстрел верхней пушки слышен внизу не будет. Это происходит от того, что звук, получивший начало в более плотном воздухе, сильнее звука, зародившегося в воздухе разреженном.

•

Во время разговоров изо рта мужчин идут крупные звуковые волны — от 6 до 12 футов длиной, а из уст женщин более короткие — от 1½ до 3 футов.

•

Иногда эхо может повторяться не один, а несколько раз. В вилле Симонетта, близ Милана, пистолетный выстрел повторяется 32 раза.

•

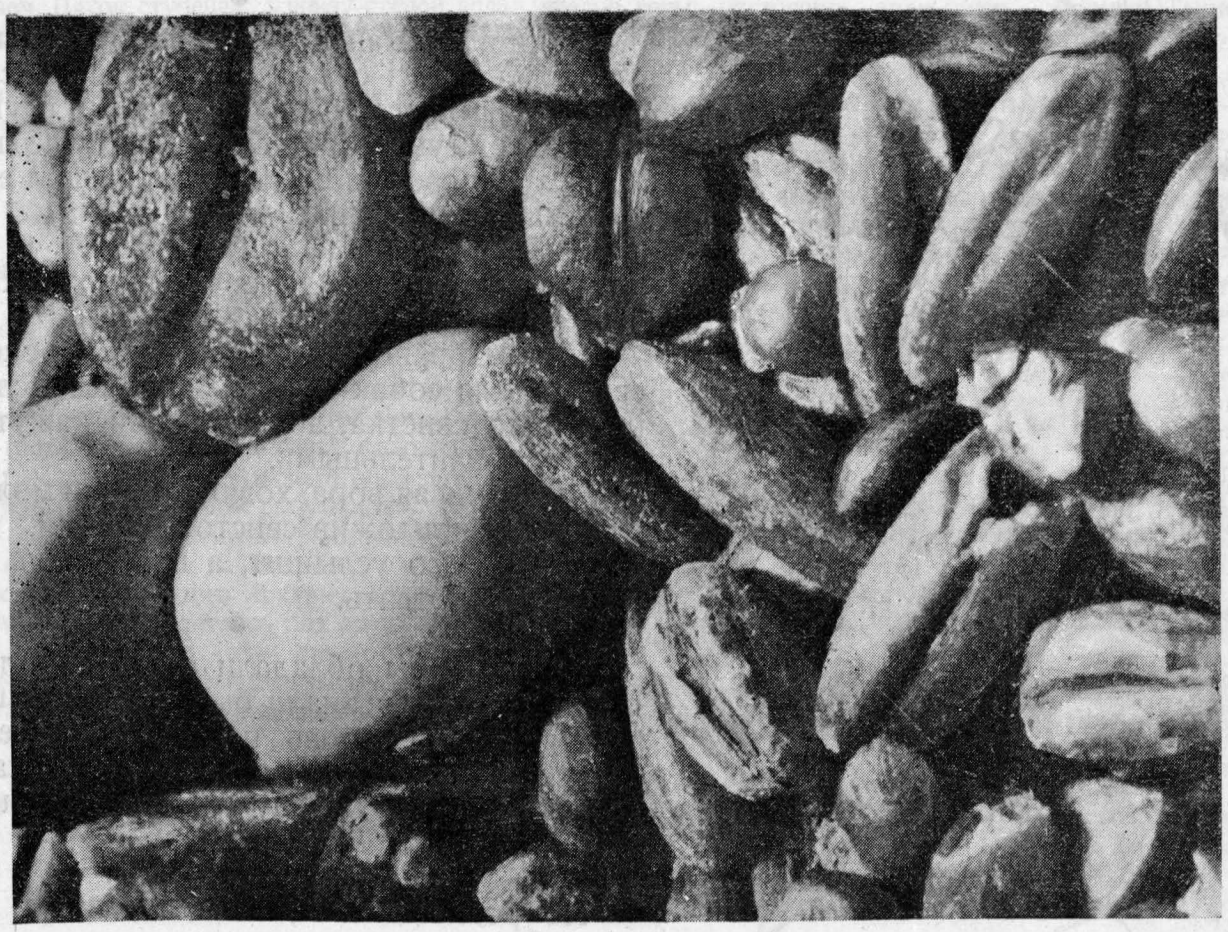
Недалеко от Сиракуз, в скале, вырыта пещера «Дионисиево ухо», которая обладает способностью необычайно усиливать все звуки. Самые легкие звуки в этой пещере превращаются в оглушительный шум.

•

Большой купол собора св. Павла в Лондоне построен таким образом, что два лица, находясь на противоположных концах купола, могут шопотом вести между собой разговор.

ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ,

если на фотографии, помещенной в № 5—6, на стр. 18, снят хлеб, посыпанный солью?



ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПИОНЕРАМ ХАРЦЫЗСКА (ДОНБАСС)

ОТ ЧИТАТЕЛЕЙ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ НЕКРАСОВА (Москва)

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Шлем вам привет. Вот уже два года, как я состою читателем библиотеки им. Некрасова. Когда я записался в библиотеку, она работала хуже чем сейчас и находилась в другом помещении. Книг было меньше, а читателей много, и библиотека всех книгой не удовлетворяла. Но вот уже год, как наша библиотека переехала в другое помещение, книг прибавилось, и работа ее наладилась.

Еще в лагере ребята начали работу литературного кружка, на котором обсуждали творчество ребят-пионеров. Литературный материал был неплохой, были и стихи и рассказы. Когда начался учебный год, актив лагеря по литературной работе все время спрашивал заведующего библиотекой: «Будем ли мы эту работу продолжать?»

Однажды совсем неожиданно для нас приехал в библиотеку представитель редакции журнала «Пионер». На этом собрании актива и было заложено начало изданию рукописного журнала. В редакцию входит шесть человек, из них двое художников-оформителей. На всех лежит обязанность собирать материал. На первом собрании мы решили, что наш журнал будет выходить один раз в месяц. Вот мы уже собрали материал, напечатали, и тут у нас вышла задержка с названием: мы никак не могли придумать название для журнала.

Об'явили даже конкурс на лучшее название для журнала. На одном из собраний редакции кто-то придумал название «Школьник». Название всем понравилось, и журнал назвали «Школьник».

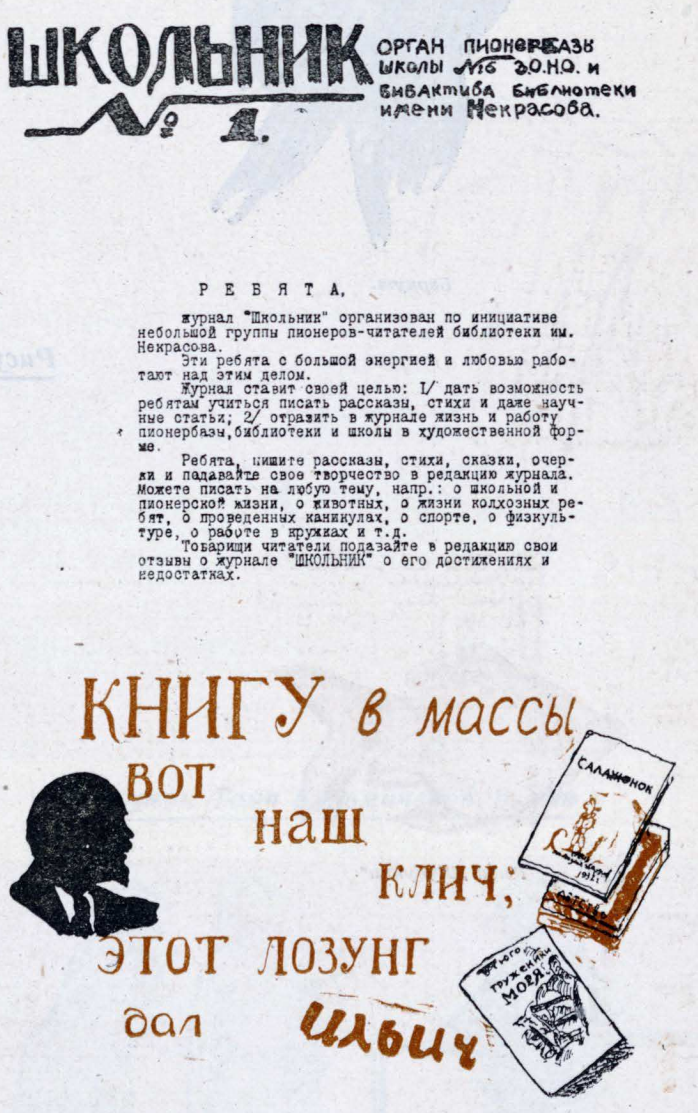
Когда журнал вышел, ребятам он очень понравился, и они с интересом его читали. В библиотеке на него был большой спрос, и ребята с нетерпением ждали, когда выйдет второй номер.

Вышел второй номер, он был еще лучше первого. Теперь у нас скоро выйдет третий номер. Ребята, напишите нам, как вы живете, как учитесь и работаете. Нам хочется обмениваться с вами опытом, поделиться своей работой и узнать о ваших достижениях в этой области.

Шлю вам пионерский привет.

В. ЗОРЭ

Наш адрес: Москва, Климентовский переулок, д. № 1. Библиотека им. Некрасова. Редакция журнала «Школьник».



ШКОЛЬНИК
№ 1.
ОРГАН ПИОНЕРБАЗЫ ШКОЛЫ №6 З.О.Н.О. и БИБАКТИВА БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ Некрасова.

Р Е Б Я Т А,

журнал "Школьник" организован по инициативе небольшой группы пионеров-читателей библиотеки им. Некрасова.

Эти ребята с большой энергией и любовью работают над этим делом.

Журнал ставит своей целью: 1/ дать возможность ребятам учиться писать рассказы, стихи и даже научные статьи; 2/ отразить в журнале жизнь и работу пионербазы, библиотеки и школы в художественной форме.

Ребята, пишите рассказы, стихи, сказки, очерки и подавайте свое творчество в редакцию журнала. Можете писать на любую тему, напр.: о школьной и пионерской жизни, о животных, о жизни колхозных ребят, о проведенных каникулах, о спорте, о физкультуре, о работе в кружках и т.д.

Товарищи читатели подавайте в редакцию свои отзывы о журнале "ШКОЛЬНИК" о его достижениях и недостатках.

КНИГУ в массы
вот
наш
клич,
ЭТОТ ЛОЗУНГ
дал Ильич

САЛАМЧОНОК

Так выглядит первая, тптульная страница ребячьего журнала „Школьник".

Ребята!

Присылайте в редакцию на конкурс свои школьные журналы!

ГАЛЛЕРЕЯ РИСУНКОВ В ЖУРНАЛЕ

Мы открываем в журнале галлерею рисунков. В ней мы будем помещать лучшие рисунки наших деткоров с замечаниями художественного редактора.

Ребята, присылайте свои рисунки.

Беркут.

Обезьяна.

Рисунки А. Терехина

Рыба „Шубунка".

Рисунки Демкина, 14 лет

Бразильский землекоп.

Скаляр.

ЧЕМ ХОРОШИ ЭТИ РИСУНКИ?

Рассмотрите внимательно рыб, нарисованных Демкиным. Каждая рыбка сделана так, что сразу видно, чем она отличается от других рыб, и не только вся рыбка, но даже хвост, голова или туловище. У каждой хвост или туловище другие чем у остальных рыб.

Это самое главное — сделать так, чтобы сразу видно было, чем человек, предмет или пейзаж, который ты нарисовал, отличаются от всех других.

Это качество можно в себе развить, если много и внимательно рисовать с натуры. У ребят наблюдательность очень сильна, так что иногда они даже без всякой подготовки делают очень хорошие рисунки. Вот рисунок Тани Кузьмичевой, девяти лет. Она еще очень мало рисовала, но этот рисунок очень и очень хорош. Он показывает большую наблюдательность и внимательность Кузьмичевой.

Бутаков и Терехин уже довольно много рисовали, и их рисунки — это работы умелых рисовальщиков.

Я не говорю о недостатках всех этих рисунков не потому, что нельзя сделать рисунки лучше этих, но в каждом из них ясно выражено то, что художник заметил в природе, а это самое главное.

Все эти ребята учатся во внешкольном комбинате Трехгорной мануфактуры в Москве.

М. Аскинази

Рисунок Тани Кузьмичевой, 9 лет

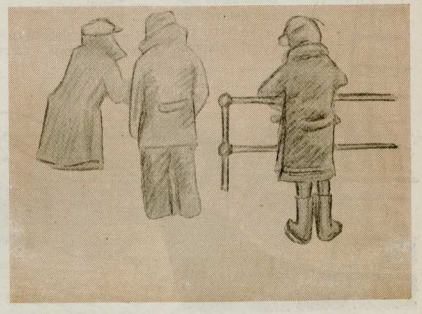


Рисунок Бутакова, 13 лет

КИТ НА ГОРИЗОНТЕ

Тов. Некрасов не был в редакции „ПИОНЕРА“ года два. Вдруг он появился, обросший бородой. Мы еле его узнали. Оказывается, эти два года он проплавал штурманом на кораблях в водах Дальнего Востока.

— Хотите попробовать кита?— спросил Некрасов. Мы засмеялись. Но он вынул из кармана банку и сказал: — Внутри кит. Вскрывайте.

Мы вскрыли банку перочинным ножом. Внутри были мясные консервы. Мы с'ели их из любопытства и нашли, что если это даже и кит, то вполне с'едобен. Только когда т. Некрасов привел к нам в редакцию немца-гарпунера Отто Карловича Крауля,— мы вполне убедились, что ели действительно кита.

Тов. Некрасов много рассказывал про китов, и один из его рассказов мы здесь помещаем.

А. Некрасов
Рис. В. Цельмера

Мы, трое: капитан Петя Зарва, гарпунер-норвежец Карлсен и я— стояли на мостике и смотрели по сторонам в сильные бинокли. Кругом было спокойное зеленое море, а белые птицы стаями кружились над водой. Вдруг седой юркий Карлсен заметил что-то на горизонте, опустил свой бинокль в ящик, приделанный к поручням мостика, и вытянул руку вперед.

— Вал!—сказал он, и сам же перевел.—Кит!

Ни капитан, ни я еще ничего не заметили. А Карлсен уже набивал душистым табаком свою прокуренную трубку и по-норвежски кричал что-то боцману.

Боцман, выслушав приказание, ответил: „Есть!“ и ловко полез на мачту. А мы с Петей все еще смотрели туда, куда показал нам гарпунер, и вдруг увидели небольшой белый фонтан, на несколько секунд поднявшийся над водой, среди стайки птиц.

В это время Карлсен уже возился у короткой, толстой пушки, укрепленной на носу нашего судна. Он осматривал блоки и канаты и, взявшись за рукоятку, поворачивал пушку во все стороны. Он проверял, не мешает ли что прицелу. Потом снова показал рукой туда, куда мы смотрели, и крикнул:

— Польный перет! (полный вперед!)

Судно прибавило ходу. Птицы, кружившиеся вдали, стали быстро увеличиваться, и с каждым разом все ясней был виден фонтан, то и дело появлявшийся среди них. Мы были уже совсем близко и без бинокля могли отличать альбатросов от чаек. Вдруг Карлсен поднял вверх обе руки, крикнул: «Стоп!», и показал вправо. Судно повернуло направо и остановилось.

Я обернулся назад и увидел, что вся команда нашего китобойца, кроме вахтенных, так же как и мы смотрела вперед. И вдруг, точно сговорившись, все стали показывать пальцами в одно место и закричали:

— Кит!
— Кит!
— Вон он!
— Смотри!
— Гляди!
— Кит!

Я посмотрел вперед и увидел огромную мокрую, блестящую на солнце спину кита. Она медленно поднималась из воды прямо перед носом нашего китобойца, метрах в двухстах.

— Польный перет!—крикнул гарпунер, и китобоец снова понесся, но

Стоя на мостике, рассматривали мы огромную тушу.

было уже поздно. Над водой на секунду показался черный треугольный плавник, потом широкий хвост шлепнул по воде, и кит исчез.

На корме матросы и кочегары вполголоса переговаривались:

— Ну и китяра!
— Здоров!
— Пудов на тыщу будет.
— Нет, побольше потянет.

Карлсен посмотрел вверх, где в желтой бочке сидел боцман. Оттуда, сверху, он лучше нас видел, куда нырнул кит, и теперь протянутой рукой показывал гарпунеру направление.

Снова закрутился штурвал, снова понесся вперед, и по сигналу гарпунера остановился китобоец, поджидая кита. Но на этот раз кит вынырнул за кормой, так что стрелять в него было невозможно.

Тем временем боцман уже снова показывал, куда нырнул кит, а гарпунер распоряжался ходом и направлением судна. Он ждал минуты, когда можно будет стрелять.

Вдруг пушка бахнула, из нее вырвался клубок красноватого дыма. Карл-

Кит вздрогнул и понесся вперед, а вслед за ним, извиваясь, бежал толстый белый канат.

сен, слегка согнувшись, еще держал рукоятку, и казалось, что сам он хочет прыгнуть вперед, туда, куда улетел тяжелый, пятипудовый гарпун.

Слева, в 15 метрах перед носом судна, раненый кит вздрогнул и понесся вперед, поднимая буруны белых брызг, а вслед за ним, извиваясь кольцами и петлями, бежал толстый белый канат. Кит нырнул, но через несколько минут снова вынырнул и выпустил короткий фонтан, но уже не белый как прежде, а яркокрасный.

На остановившемся китобойце скрипели железные блоки и чуть-чуть сгибалась мачта. Через ее вершину был переброшен канат. Он натянулся как струна, стряхнув с себя тысячи брызг; блок, подвешенный к верхушке мачты на толстых пружинах, опустился до самой палубы, мачта согнулась как удочка, и все судно, вздрогнув, пошло за китом. Он бился в ста метрах от нас, стараясь сорваться с гарпуна, крепко засевшего в нем.

Скоро мачта выпрямилась, канат ослаб, а кит стал дышать часто и неровно. Он уже не пускал фонтана, а только вспенивал воду горами красной пены. Наконец, он вздрогнул в последний раз и стал медленно тонуть.

Боцман перешел к лебедкам, пустил пар, и с грохотом закружились чугунные барабаны, выбирая канат и подтягивая кита, которого теперь не было видно. Наконец, под водой показалась огромная туша, и скоро черная спина появилась над водой. В ней торчал наполовину вонзившийся гарпун, а кругом плескались маленькие волны, окрашенные кровью.

По сигналу Карлсена лебедка остановилась, но он все еще не начинал пришвартовывать к борту нашу добычу. После уже я узнал, что кит иногда оживает под бортом судна, и тогда плохо приходится неосторожным морякам.

На палубе шли приготовления. Боцман распоряжался, а матросы разносили вдоль судна толстые цепи, развинчивали скобы для скреплений; двое разматывали длинную резиновую трубку, на конце которой было что-то вроде копья, пустого внутри. Выждав минут пятнадцать, матросы баграми стали раскачивать огромную тушу и, когда в воде на секунду показалось серебристое, полосатое брюхо, боцман вонзил в него копье. Застучал механический насос, накачивая в кита воздух. Туша начала всплывать, и скоро стал виден весь кит, от головы до хвоста. Он был немного короче нашего судна.

Матросы обнесли цепь вокруг хвоста и, подтянув лебедками, закрепили на кнехтах[1]. А один из матросов вскочил прямо на мокрое полосатое брюхо, вытащил из него копье и долотом стал паклей забивать дырку, из которой, бурля, выходил воздух.

В это время боцман огромным кривым ножом, на длинной ручке, отрезал хвостовые плавники кита. Каждый из них был не меньше двух квадратных метров. Он делал это для того, чтобы при буксировке кит не заворачивал нашего судна в сторону. Теперь все было кончено. Петя проложил на карте курс на Владивосток и, сдав командование помощнику, спустился в каюткомпанию, там уже сидели мы с Карлсеном и пили кофе. Китобоец с китом под бортом полным ходом шел во Владивосток.

Коверкая английский язык так же как и русский и путая русские, норвежские и английские слова, Карлсен рассказывал нам о китах.

— Разве это кит? — говорил он. — Каких-нибудь 50 тонн, не больше. Ну да впрочем полосатик больше не бывает. Вот я однажды убил гренландского кита в 120 тонн! И знаете, с ним возни было меньше чем с этим. Гренландский кит—это солидный, спокойный кит: к нему можно подойти, как хочешь, а эти финвалы [2] уж очень резвы. Нам еще повезло сегодня, что мы так быстро с ним управились. А бывает, гоняешься за ним целый день и к вечеру бросишь его совсем.

Но лучше всего бить кашалотов. Это совсем особенные киты: у них есть зубы, как у хорошей собаки, только очень большие и дорогие, потому что они как слоновая кость. Кашалот даже рыбу не ест, а жрет всяких каракатиц и осьминогов на дне моря. Но зато он страшно любопытен, и когда убьешь одного такого кита, сразу же собирается еще несколько кашалотов и сами лезут под выстрел. Только успевай перезаряжать пушку. И он очень неплохо ценится. Его жир, правда, несъедобен, но зато идет в парфюмерное производство.

А у финвала жир ничуть не хуже чем у свиньи, даже еще нежнее, а мясо ничем не уступает коровьему. Вот вы попробуйте сегодня и тогда скажите, что я не прав. Вот ус у финвала неважный. Этот кит—лакомка: он любит сардинок, а потому у него ус редкий и твердый. А вот нордчапер [3], тот кушает всяких самых маленьких рыбок, и у него зато ус очень гибкий и частый. Иначе, как же ему быть, ведь надо набить такое огромное брюхо. И вот он открывает свой рот, напускает туда воду с рыбками и с мелкими рачками, а потом загораживает свой «ротик» этим частым забором и слизывает с уса все то, что там застревает. Нордчапер—самый большой кит и самый жирный. А какой он силач! Вы не поверите. Однажды я подранил этакого мальчика, тонн на сто, так он меня таскал несколько часов подряд и чуть не затащил на скалы, хотя у меня машина в 700 сил работала задним ходом. Это было в 1929 г., я тогда плавал на норвежском пароходе «Космос».

Вероятно, Карлсен мог бы еще долго рассказывать о своих приключениях, но нам хотелось спать, и мы разошлись по каютам. А через несколько часов матрос зашел в капитанскую каюту и разбудил нас с Петей. Он сказал, что мы уже входим в бухту, и мы поскорей поднялись на палубу.

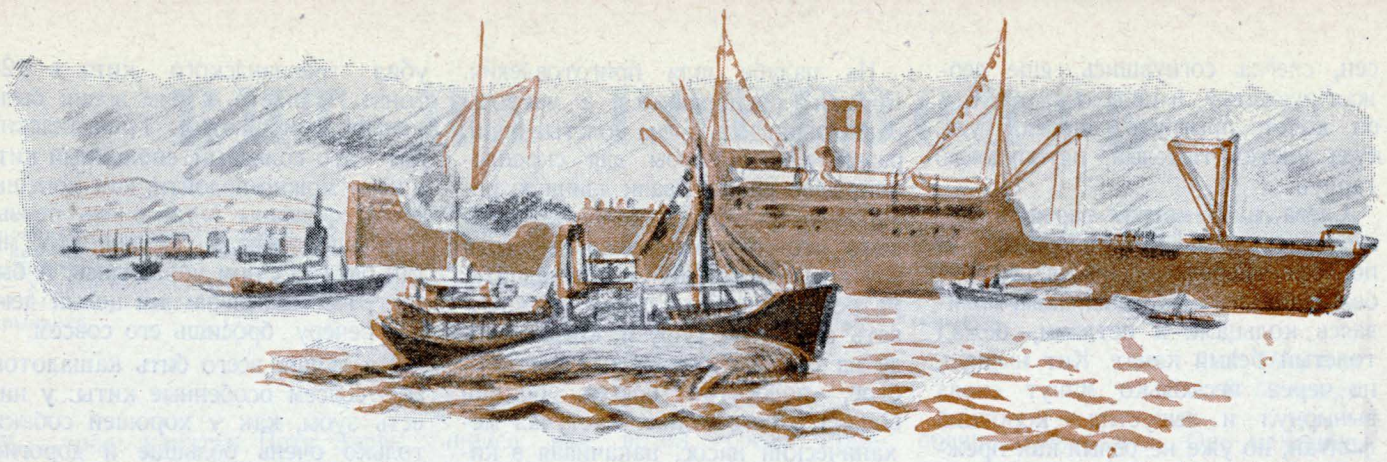
В порту уже знали о нашей уда-

Один из матросов, вскочив на мокрое брюхо, вытащил из него копье и долотом стал паклей забивать дыру.

[1] Кнехты—железные тумбы на палубе.

[2] Финвал — по-норвежски кит-полосатик.

[3] Нордчапер — гренландский кит.



Мы подвели кита к борту „Алеута"

че и со всех пароходов, стоящих на рейде, смотрели на нас во все глаза.

А на «Алеуте», нашем главном судне, уже приготовили все для нашей встречи. Через десять минут мы подвели кита к борту «Алеута» и передали ему тушу.

«Алеут» — это одна из лучших в мире китобойных баз. Там можно целого кита привязать за хвост и через отверстие в корме поднять на палубу, чтобы удобнее было его разделывать. Потом, когда верхний слой сала снимут, тушу протаскивают лебедками вперед, где срезают мясо, а кости пилят механической пилой. Мясо идет на консервы, а все остальное закладывается в котлы, где из сала, мяса, костей и кишок паром вытапливают жир. Этот жир сливают в трюмы, а когда «Алеут» после промысла возвращается в порт, весь жир перекачивается в вагоны-цистерны.

Но на этот раз решили не поднимать кита на палубу, потому что «Алеут» стоял кормой к берегу, а чтобы переставить его с места на место, надо очень долго возиться. Ведь как-никак он весит 11 тысяч тонн.

Кита разделывали прямо под бортом, в воде, и на палубу поднимали только куски свежего мяса и сала.

Чтобы продать такой необычный товар, как китовина, мы пригласили работников общественного питания на «Алеут». А в это время наш главный повар, негр Персифаль Гревес, на огромных сковородках жарил бифштексы, скоблянки и отбивные, в то же время заботливо поливая соусом огромные куски мяса, румянившиеся в духовках. Наконец, гости собрались. Персифаль надел чистый фартук и белый колпак, и сам подал кита на стол. Но наши гости не решались его пробовать. Они только боязливо нюхали китовое мясо. Наконец, кто-то решился, взял его в рот, и сразу все стали дружно жевать и таскать себе в тарелки самые аппетитные кусочки.

Персифаль, черное лицо которого слилось с дубовой обшивкой каюты, выпучил глаза и, оскалив широкие зубы, довольно улыбался. А гости, забыв всяческие приличия и отложив в сторону ножи и вилки, тут же, на столе, положив блокноты прямо на скатерть, торопливо писали заявки на китовое мясо.

К вечеру грузовики, подводы и катера растащили по кускам нашу добычу, а огромный скелет с внутренностями катер за хвост увез на мыловаренный завод, где из кишок и костей на утро уже варили мыло.

Китобоец за ночь нагрузился углем и снова вышел в море, в погоню за вторым китом.

Все это произошло почти год назад, 12 апреля 1933 г.

А семь месяцев спустя первая советская китобойная флотилия после промыслов в Беринговом море снова вернулась во Владивосток. Впереди шел лучший китобоец флотилии «Трудфронт», добывший за сезон 80 китов. На мостике, весело улыбаясь, стояли его капитан Петр Зарва и гарпунер Карлсен. Улыбались не только они, улыбались почти все участники этого трудного похода, добывшие за сезон 203 кита и давшие стране больше тысячи тонн одного жира.

Трудящиеся Владивостока встретили советских моряков, которые в один год обучились трудному китобойному делу. Моряки рассказали, как под руководством партийной организации они этого добились. Они рассказали, как трудно было справиться с первым китом, на разделку которого ушел целый день, и как через месяц они разделывали по пять туш ежедневно. Они рассказали, что техника разделки туши перестала быть для них секретом, что скоро они овладевают техникой боя китов, и тогда уже не придется приглашать на наши китобойные суда иностранцев-гарпунеров, без которых мы пока еще не можем справиться. В тот день на палубе «Алеута», под снастями, украшенными разноцветными флагами, было сказано много горячих слов. Но всех горячей прозвучала речь пионерки Черенкиной, дочери кочегара на китобойце. Летом еще она посылала радио отцу на судно и просила никому не отдавать первого места, завоеванного «Трудфронтом».

Теперь от имени пионеров Владивостока она потребовала:

— Скорее ремонтируйте суда, выходите на промысел и привозите самых больших и вкусных китов советского Приморья.

„Алеут"—это одна из лучших китобойных баз. Там можно целого кита поднять на палубу, чтобы удобнее было его разделывать

Рассказывает Сергей Тимофеевич Григорьев

Рис. П. Митурича

К юбилею „ПИОНЕРА“ мы попросили наших писателей рассказать о себе, о своем детстве, о том, как они начали писать.

С этой просьбой мы обратились и к Сергею Тимофеевичу ГРИГОРЬЕВУ, автору известных ребятам книг: „Берко Кантонист“, „Мальчий Бунт“, „С мешком за смертью“, „Листок счастья“ и многих других.

Сергей Тимофеевич прислал свои записки с запозданием, поэтому они в юбилейный номер не вошли.

В следующих номерах журнала мы будем продолжать знакомить читателей с писателями.

1. ВОЛГА

Рос я в Сызрани, на Волге, в семье машиниста.

Когда Волга осенью застывала, катались на коньках. Коньки ковали кузнецы — свои же (в городе было 400 кузниц!). Прилаженный к деревянной колодке конек привязывался к валенку бечевкой. Многие катались на одном коньке — по бедности. А потом появились горбатые «американские» коньки и «снегурочка» (это уже на катке, под музыку военного оркестра).

Выпадал сн Лыж в нашем обиходе совсем не было—их мы знали только по книгам. Увидал я лыжи в первый раз пятнадцати лет.

Пока снег неглубок, можно в валенках сходить за Воложку и нарезать молодых таловых прутьев. Мы делали из них «мызгуши», с головки тупые, к хвосту тонкие. С вечера все мызгуши обливались водой, и они покрывались тонкой ледяной корочкой; стоймя мызгуши хранились до утра, а утром открывалось состязание. Натерев мызгушу снегом, пускаем ее из рукавички вдоль по гладкой, прямой дороге. Если ловко запустить, то мызгуша и по целому снегу может убежать метров за 100—150. Чья дальше «умызгнула», тот и выиграл. Иногда выиграешь до ста мызгуш — целая охапка, и дома бранятся и грозят сжечь в печи «хлам»!

Жгите хоть все, а вот эта, заветная, выиграла уж не одну сотню!

Катались с высоких гор к Волге на ледянках—скамейках. Нижняя доска подмораживалась сантиметров на пять на теплом коровьем помете со снежком. Этот слой выдерживал, не отставал от доски даже при очень сильных ударах и толчках.

Опять-таки с вечера в крепкий мороз ледянку, опрокинув, обливали водой. Скорости на ледянках развивались огромные, дух захватывало! Делали ледянки на одного и на двоих, а то и на двенадцать человек. Кому не хватало места, примазывался сзади «помелом». Иногда такая скамейка, если не справиться, вышибала, налетая, ворота. Бывали и вывихи и ушибы, а то и руку кому сломает.

К весне ждали задолго ледохода. Вот вода прибывает. Наледи. Почернели дороги. Слухи: у Вольска прошла и у нас скоро тронется. Шумят через плотину маленькие реки. Наконец пошла! Весь город на берегу. Костры горят под черными котлами—лодки смолить!

Первый пароход снизу — белый лебедь с красными лапками колесных плиц—с лебединым звонким криком подходит к пристани. И тут же, на берегу, открывается торг: первая вобла, копченая, из Астрахани.

Ходить на пароходы—великое удовольствие. Не пускали, но уж как-нибудь прошмыгнешь мимо матроса и—к стеклянному большому фонарю над машиной.

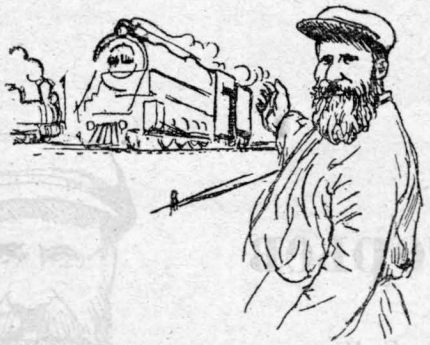
— Где построена? Сколько сил? Двойное действие? С конденсатором?

На все вопросы важно отвечает масленщик, обтирая облитые маслом штанги... Потом на лодке качаемся на поднятых пароходом волнах...

Придут плоты, когда вода убудет. С плотов купаться, удить рыбу: густеру, ершей, чехонь (поверху, на муху), помогать неводчикам тянуть невод. Вдруг вытащим белугу в пятьдесят пудов! Сядет на нее парень как на бревно, ноги свесил и гогочет!..

А тут осень скоро. Опять слух: забереги появились. Надо сыскать в чулане коньки.

2. ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА



Когда отец был в «резерве», то приходилось ему ездить в Батраки (13 километров от Сызрани) забирать передачу с Оренбургской (потом Самаро-Златоустовской) дороги. Туда идет один паровоз, а обратно забирает почтовый поезд.

Просишься... Возьмет ли?

Иногда отказывал под разными предлогами, например говорит:

— Плохие водомерные стекла выдали, лопаются, еще тебя паром ошпарит!

Но брал частенько. Сажал над тендером, на ящик с инструментами: ящик железный, крышка горбатая, но уж сиди! И держаться не за что. Мимо садов, справа под ними—Волга, а слева от дороги—голые, спаленные солнцем шиханы. В Батраках, поставив паровоз «на запас» в ожидании поезда, мы отправляемся с отцом на берег Волги, оттуда знаменитый Сызранский мост видно! Но это не все. Главное, тут такие находятся кремни, каких у нас дома не сыщешь. Разыскиваем с отцом такой кремень, чтобы высекал искру наверно. Пробуем выкресать огонь обушком перочинного ножа. Отбираем лучшие кремни, да все лучшие, оттянули карманы! А уж с той стороны на мост вползает оренбургский поезд. Обратно—на плюшевом диване, в пустом вагоне первого класса. Пройдет оберкондуктор и, шевеля усами:

— Ваш билет?

— Я без билета!

— А вот я вас, молодой человек, представлю к дополнительному!

И хоть знаешь, что сам он в этот вагон посадил, а все боишься, вдруг оштрафует! И только остановится поезд, опрометью из вагона домой!

С ранней поры той у меня неостудная страсть к паровозам. Уж вот пятьдесят лет я слежу внимательно за развитием паровоза. Недавно я увидел на виадуке, у Казанского вокзала, щегольской темносиний «Ф Д» (Феликс Дзержинский). Он проходил по виадуку тихо, красуясь. Сердце дрогнуло. Я остановился, разиня рот, и чуть не попал под шальной грузовичок. Великолепная машина! «И С» (Иосиф Сталин) пока я видел только на фотографиях. Какая бездна труда, ума и выдумки лежит между этими могучими локомотивами и теми «коломенками» с двумя ведущими осями, на которых мой отец и его товарищи водили двойной тягой «сибирские экспрессы». Прошло полвека (половина столетия), и какого века!

3. САДЫ

В старом городе у нас почти при каждом доме был сад, небольшой, конечно, а по-над Волгой и за рекой Сызранью — большие промышленные фруктовые сады. Отец мой купил дом с небольшим запущенным садом. Был малинник, в нем били гнезда соловьи и пеночки. Малину собирали пудами и раздаривали друзьям. Колючие кусты крыжовника плодоносили так обильно, что стоило поднять за кончик ветку—и можно было брать ягоды горстями. На черемуху, когда поспевала, тысячными стаями слетались скворцы, очищали все дотла. Были яблони: черное дерево, анис, скрут. Вишня-дикарка. Цвели сирень и жасмин. О «царские кудри» (красные тюльпаны) мы пачкали носы, но больше всего мы любили сладкую ягоду вороняшку (черный и белый паслен), росла она сорной травой по забору; от этой приторной ягоды мы с приятелями жестоко страдали животами. Бранили нас: — «Мало вам малины?» — «Ну да!»

В садах ютились филины и совы, мы и ловили днем, разыскав в потаенной чаще, а потом пускали на волю; махаоны порхали средь кустов бипланами братьев Райт. Вечером бражники гудели моторным дальним гулом самолетов, но тогда ведь только мечтали о полетах, и воздушный корабль мы знали только по Лермонтову да по Жюль-Верну.

Осенью в садах ловили западнями, кругами и тайниками певчих птиц: синичек, чижей, реполовов, щеглов, чечоток—столько ловили, что приходилось стаями выпускать на волю. Мне приходилось отпускать всех до одной: отец считал грехом держать в плену вольную птицу.

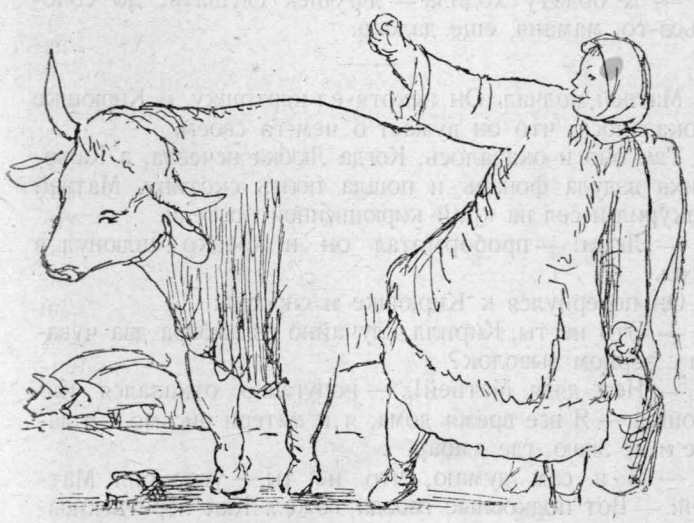
В садах я узнал и первые уроки теории Дарвина. Наш учитель естествознания, не по программе и даже ей вопреки, водя нас по цветущим садам над Воложкой, одушевленно раскрывал нам, что в этом блаженном на взгляд раю идет жестокая, неустанная борьба за жизнь. Он, этот учитель, не был чужд неясной революционной мечты (кончалась Народная воля) и осторожно (царил Александр III) намекал нам, детям, что впереди нас ждет в е л и к а я б о р ь б а.

СИНИЕ ЗВЕЗДЫ

(Продолжение

Повесть А. Гайдара
Рис. Ф. Полищук

По пути Кирюшка заглянул на скотный двор. Там, возле злого рогатого быка, он увидел Любку. Бык крутил мордой и пытался боднуть Любку, которая поливала его спину какой-то зеленой жижей и растирала жижу щеткой.



Возле злого рогатого быка он увидел Любку.

— Иди помогать. Подержи-ка ведро, — предложила Любка и, ловко увернувшись, она крепко стукнула кулаком по могучей бычьей шее.

Но Кирюшка таких рогатых быков не любил. Он показал Любке язык и побежал домой, потому что очень захотелось ему поесть.

Только что завернул он за пожарный сарай, как увидел, что прямо навстречу катит Степашка — тот самый паренек, который вчера по приказанию Фигурана должен был бить его, Кирюшку, «до самой смерти».

Заметив Кирюшку, Степашка остановился. А Кирюшка с полного хода повернул обратно и, преследуемый победными криками Степашки, стремительно помчался, куда глаза глядят.

Опомнился он только возле кузницы.

В непросохшей кузнице было чадно и дымно. Кроме Матвея там работали еще двое.

— Что тебе? — спросил Матвей у Кирюшки, который потихоньку остановился в углу. — Иди, иди, тут тебе нечего толкаться.

Запыхавшийся Кирюшка стоял молча, и на глазах у него заблестели слезы.

— Что тебе? — уже мягче спросил Матвей. — Тебе доктор толком гулять велел, а ты... то ночью обляпанный да разодранный приперся, то в чаду да в дыму торчишь... Тоже, кузница!... — с досадой добавил он, вытирая рукавом замазанный лоб. — В такой кузнице только при царе Дударе чертям вилы ковали.

— Мальчишка там,—негромко ответил Кирюшка.— Я бегу домой, а он бежит навстречу и драть меня хочет.

— Это дело серьезное, — согласился Матвей. И, кинув в горн железную полосу, он подошел к Кирюшке.

— Большой мальчишка?

— Большой, дядя Матвей.

— А как большой?

Кирюшка запнулся.

— Ну, какой я, такой и он.

— Вот что, Кирилл, — сказал Матвей, провожая Кирюшку до двери, — ты мне голову не морочь. Я тебе в няньки не нанимался, да и ты не генеральское дите. У меня и без тебя дела много. Сам видишь... это что?

И Матвей показал туда, где возле стены лежала целая груда борон с вырванными зубьями, разобранные плуги, диски, колесные шины и еще какие-то кривые почерневшие железины.

— Беги, — приказал Матвей, — да скажи хозяйке, что обедать я только к ужину приду.

Кирюшка нахлобучил шапку и покорно побежал в гору. У пожарного сарая он остановился, настороженно оглядываясь по сторонам. Нечаянно обернулся он назад и тут увидел, что Матвей все еще стоит у двери дымной кузницы и пристально смотрит вдогонку.

Весело гикнул тогда Кирюшка и смело примчался к дому, где добрая Калюкиха навалила ему целую миску жареной картошки и налила в чашку холодного молока.

Днем Кирюшка соснул, а к вечеру, когда болтливая Калюкиха ушла к соседке, он достал чернила, бумагу и сел за письмо.

Письмо вышло бестолковое. Начал он с того, как влезли они в поезд. Но вскоре решил, что это не самое главное, и, не дожидаясь отправления поезда, он перескочил на малаховскую дорогу.

Однако путь в Малаховку от станции был неблизкий, и, еще не доехав полпути, Кирюшка остановился посреди самой грязи и решил, что пусть дальше мать сама добирается, как хочет.

Потом он взялся описывать наводнение. Здесь дело пошло складно и споро.

Но тут, испугавшись курицы, которая сердито клюнула его в хвост, вертлявый серый котенок вскочил на стол и опрокинул чернильницу. Чернила залили и острова, и хату деда Пантелея, а вместе с ними и всю кирюшкину охоту продолжать это неудачливое письмо.

Тогда он коротенько дописал: «До свидания, дорогая мама. Крепко целую и кланяюсь, а скоро напишу еще».

Потом он запечатал конверт, сунул в карман и полез под стол за паршивым котенком, чтобы потыкать его мордой в пролитые чернила.

Из-под стола котенок шмыгнул под лавку. Из-под лавки скакнул за печку. Из-за печки—на печку. Но все равно не уйти бы ему от разгневанного Кирюшки, если бы в избу не забежала Любка.

Она крепко осадила Кирюшку, сбросила грязный кожух, сдернула с гвоздя чистую поддевку. И, наспех поправляя растрепанные косы, спросила, где мать.

Вертлявый серый котенок вскочил на стол и опрокинул чернильницу.

— У соседей,— ответил Кирюшка и, надувшись, спросил:

— Ты чего толкаешься? Думаешь, если здоровая, так и толкаться? Я вот скажу дяде Матвею, он тебя толканет...

— А провались ты со своим дядей Матвеем, — огрызнулась Любка.

Зачерпнув воды, она быстро сполоснула испачканные кровью ладони, накинула поддевку и, хлопнув дверью, выскочила на улицу.

«Что это дядя Матвей долго не идет? — с тревогой подумал Кирюшка. — И Любка как ошалелая. Отчего это руки в крови? Бык ее забодал, что ли?»

Кирюшка покосился на темное окошко.

Небо в тучах. Ни вчерашних звезд, ни золотой луны не было.

«То ли дело в городе,—вспомнил Кирюшка.—Глянешь на улицу — фонари. Трамваи — трры-трыы... Автобусы—буу... уу... А здесь темно, тихо... хоть бы Калюкиха скорее пришла».

Хитро щурясь, с печки смотрел зеленоглазый котенок.

— Кисынька, кисынька, — жалобно поманил Кирюшка, которому очень захотелось, чтобы хоть котенок посидел с ним рядом.

Но котенок не шел. Должно быть, боялся, как бы не потыкали.

Тогда Кирюшка запустил в котенка валенком и тотчас же кинулся вытирать со стола чернила, потому что услышал приближающиеся голоса.

Вошли Калюкиха, Любка, а за ними Матвей.

Пока Матвей умывался, Любка рассказывала, и Кирюшка так ее понял:

Вышла Любка к околице, вдруг слышит, кто-то идет и охает. Подняла Любка палку и окликнула, кто такой охает? Смотрит, а это тракторист Мишка Бессонов. И голова у него вся в крови. Задрожала тогда Любка и спрашивает: «Что с тобой, Мишка? Или спьяну?» «Нет,— говорит Мишка,— не спьяну. Беги, Любка, кликни народ. У амбара замок сбит. Два чувала зерна в грязи лежат. Да какой-то дьявол меня сзади камнем по башке двинул».

И сорвала тогда Любка платок, завязала мишкину голову, а сама скорее побежала сзывать народ.

— Мишке-то к ночи какое у амбара дело было? — недоверчиво спросила Калюкиха, кидая на стол полкаравая хлеба и плюхая миску с пересохшей картошкой.

— А он, маманя, с отцом вчера поругался. А сегодня, когда окончил норму, поехал на вчерашний участок—дай, думает, на самом деле посмотрю, неужели и правда, что шесть огрехов? Тут у него с трактором что-то случилось. Пока провозился, уже темно, а трактор ни тпру, ни ну! Пошел Мишка пешком какой-то инструмент доставать. Проходит мимо амбара, а там вон что.

— Ни тпру, ни ну! — передразнила Калюкиха.—Так и все у вас — ни тпру, ни ну! А я вот думаю, как бы теперь отец в ответ не попал. Скажут то да сё... да закрыл плохо, да замок худой...

Калюкиха помолчала, загремела по столу деревянными ложками и покосилась на Любку.

— А тебя, дуру, зачем к околице понесло? Или оттуда к дому ближе?

Но Любке не понравился такой вопрос.

Любка сердито глянула на мать и, усаживаясь за стол, коротоко отрезала.

— К болоту ходила — лягушек слушать. До соловьев-то, маманя, еще далеко.

Матвей молчал. Он нехотя ел картошку, и Кирюшке показалось, что он думает о чем-то своем.

Так оно и оказалось. Когда Любка исчезла, а Калюкиха вздула фонарь и пошла поить скотину, Матвей закурил и сел на край кирюшкиной постели.

— Люди! — пробормотал он и крепко сплюнул в угол.

Он повернулся к Кирюшке и спросил:

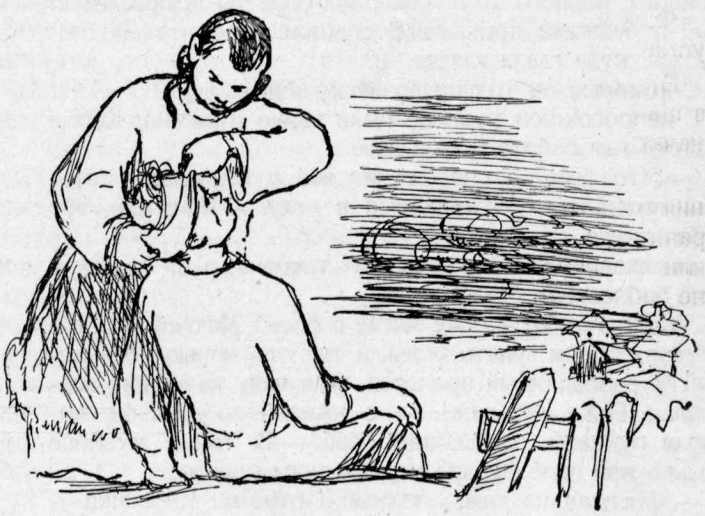
— Это не ты, Кирилл, случайно из амбара два чувала с зерном выволок?

— Нет, дядя Матвей!.. — испуганно отказался Кирюшка.— Я все время дома, я к матери письмо... я даже и не знаю, где амбар.

— Я и сам думаю, что не ты,— успокоил Матвей. — Вот подковные гвозди тоже... Как перетаскивались от воды, был мешочек, этак кило к пять. Искал, искал сегодня — нету мешочка... — Вот, брат Кирилл! Доктор сказал, чтобы в поле.... где покой. А сдается мне, что не туда мы с тобой заехали. Поле это— тут оно. А покоя я что-то мало вижу.

Матвей замолчал. Кирюшка молчал тоже. И вдруг показалось Кирюшке, что от Матвея чуть-чуть припахивает нето пивом, нето вином.

— А сегодня зашел я на базу, — продолжал Матвей. — Народ толкается неразбери-бери. Кто по делу, кто без дела. Вижу—умывальник. Снял я пиджак и умылся. Тут меня Федор окликнул. Подошел я к нему, поговорили. Вернулся, одел пиджак. Елки зеленые, что это карман легкий? Сунулся—бумажника нету. А в бу-



Любка сорвала платок с своей головы и перевязала мишкину голову.

мажнике билет профсоюзный да двадцать пять целковых денег. Вот тебе и широкое поле.

— Воры завелись, — сочувственно поддержал Кирюшка. — А ты бы, дядя Матвей, в милицию...

— Что милиция,— пробормотал Матвей.— Тут не в одной милиции дело.

Он бросил окурок в лохань и потрепал Кирюшку по плечу.

Это обрадовало Кирюшку. И ему тоже захотелось сделать Матвею что-нибудь хорошее.

— Дядя Матвей, — предложил он, — мне мать на дорогу пять рублей дала да своих у меня рубль двадцать было. Ты возьми. На что они мне? А в город вернемся, тогда, может быть, отдашь.

Матвей встал и неожиданно рассмеялся.

— Спи, Кирюшка, спасибо, — он опять улыбнулся и посоветовал: — А мальчишек ты не бойся и не прячься. Кто прячется, тех всегда бьют. А ты сам напирай крепче. Все равно, мол, наша возьмет!

★

— Все равно наша возьмет! — набегу размахивая палкой, гордо восклицал Кирюшка.—Врангеля разбили,

Дядя Матвей подсел на постель к Кирюшке.

Деникина разбили, Магнитострой построили, и еще кого-то разбили, и еще что-то построили. Так неужели же теперь бояться какого-то несчастного, длинноухого Степашки.

Кирюшка бойко завернул к почтовому ящику и тут увидел Фигурана, который слюнявым пальцем заклеивал конверт.

Фигуран торопливо сунул письмо в щель и молча уставился на Кирюшку.

Это смутило Кирюшку. Он неловко затолкал письмо в щель и тоже остановился, не зная, как же теперь начать разговор.

— Что ты за человек? — совсем не обращая внимания на кирюшкину палку, хладнокровно спросил Фигуран. — Вор ты или честный человек? По делу приехал или без дела? Умный ты или дурак? Говори смелее и не бойся.

Кирюшка обиделся.

— Разве дураки такие бывают? Это сам ты ночью как полоумный козел скачешь да орешь. Вот они какие бывают. А Степашке твоему дядя Матвей уши нарвет. Он кузнец. Он как грохнет кувалдой по наковальне, только огонь сверкнет. У меня отец тоже кузнецом был и мать — ударница. А у тебя отец кто? Пьяница! Сам я видел, как он пьяный ворочался. Я к тебе не лезу, и ты ко мне не лезь.

Фигуран дернул плечом, скривился и с издевкой спросил:

— Какой еще отец? Когда ты его видел? Да у меня и отца-то никогда не было.

— Так не бывает, — твердо возразил Кирюшка. — Бывает, что каких-нибудь дядей или тетей не бывает. А отец и мать у каждого человека обязательно бывают.

— Нет у меня отца, — упрямо повторил Фигуран и, сплюнув на носок своего рыжего башмака, с злорадством добавил:—И отца нет и матери нет. А есть у меня только один дед, да и тот кулак.

— Значит, и сам ты кулак, — зло отрезал Кирюшка.

— Значит, и сам я кулак, — громко повторил Фигуран и, насвистывая какой-то несуразный, озорной мотив, отошел прочь.

★

Однако, когда за обедом Кирюшка рассказал о своей встрече, Калюкиха неожиданно вступилась за Фигурана.

— Врёт он, какой там кулак! Мальчишке двенадцатый год, отец его пастухом был. Отца нет, мать в больнице лежит. Ну вот и закрутился. Дед этот, правда, раньше в кулаках ходил, а мальчишка горбатый, слабосильный, жрать надо. Вот он возле деда вроде как бы за работника и пристроился, колодки ему строгает, дратву сучит. Только дед он ему не родной.

— Он меня убить хотел, — пожаловался Кирюшка.—«Бейте его», говорит, «до самой смерти».

— Что ты, что ты! — ахнула Калюкиха. — Ну и озорник. Да ты ему не верь, парнишка. Он такой выдумщик... Он здоровых мужиков иной раз так насмех поднимет, что дальше некуда. Всюду вертится, крутится. Чуть что заметит, раз—два—составит песню. А ее ребятишки перехватят... Глядишь, и нет человеку прохода. Ах ты, негодник, — продолжала волноваться Калюкиха. — Нет, обязательно надо деду сказать. Пусть отдерет хорошенько. Убить... Разве же этакими словами шутят?

Сначала Кирюшка обрадовался. Но вдруг он заворочался, поперхнулся кашей и, запинаясь, отказался есть.

— Не надо деду... Вот еще!—тут он покраснел еще больше, замотал головой и, отвернув лицо к окошку, сердито добавил: — Не надо деду... Вот еще!.. Не хватало, чтобы за нас кулаки заступаться стали.

Он вытер рукавом показавшиеся от кашля слезы и виновато об'яснил:

— Что мне дед? Я и сам пионер. Он Фигуран горбатый, а у меня мускулы... во!..

Тут к воротам подкатила телега, и обрадованная Калюкиха бросилась к печке, потому что во двор вошел только что вернувшийся из Каштымова Калюкин.

Он был встревожен и неразговорчив.

Наскоро похлебав горячего, он отказался от гречневой каши и побежал разыскивать Мишку Бессонова.

(Продолжение следует)

АВТОР ИЗУМИТЕЛЬНОЙ ТАБЛИЦЫ

Очерк. А. Терентьева
Рисунки Филипповича

Д. И. Менделеев.

Профессор - химик Петербургского университета Дмитрий Иванович Менделеев сказал: «Науке известны около 70 химических элементов. Но в природе их существует гораздо больше. Никто не знает свойств этих неоткрытых элементов. Но я знаю эти свойства. Вот например в природе должен существовать элемент, который будет серым тугоплавким веществом с атомным весом около 5,5 и удельным весом около 13». Так говорил профессор Менделеев.

Ученые отнеслись к этому с недоверием. Никто не понимал, как можно описывать то, что еще не открыто.

Прошло несколько лет. Германский химик Винклер открыл элемент германий. Это было серое тугоплавкое вещество с атомным весом около 5,5 и удельным весом около 13.

Менделев оказался пророком. Он открыл закон, по которому свойства каждого элемента зависят от его атомного веса. Он составил таблицу всех известных ему элементов. Они были написаны в ней по порядку: от элемента с самым маленьким атомным весом до элемента с самым большим атомным весом. Через определенные промежутки должны были стоять элементы с одинаковыми свойствами. Тут Менделеев увидел, что в некоторых местах его таблицы этот закон нарушен. Тогда он догадался, что в этих местах должны находиться неизвестные еще науке элементы. Его догадка блестяще подтвердилась. Менделеевская таблица стала основой всех химических открытий.

В каждом учебнике неорганической химии вы можете найти эту таблицу. Она разграфлена на клетки. В клетках стоят названия элементов. Всего 92 клетки. 3 клетки еще пустуют. В них должны стоять элементы, которые будут открыты. Химики работают над этим и торопятся заполнить клетки.

ПОДЪЕМ НА АЭРОСТАТЕ

Для науки Менделеев был готов на все. Он был смелый человек.

В 1887 г. было солнечное затмение. Чтобы его полностью наблюдать, надо было подняться выше облаков, которые могли помешать наблюдению.

В то время самолетов еще не было. Надо было лететь на воздушном шаре. Воздушные шары были маленькими. В корзинку садился только один человек. Если садилось двое, то шар уже не мог подняться над землей. При под'еме корзинка могла оборваться. При спуске легко можно было сломать шею. За полетом с земли не наблюдали. Можно было опуститься на какое-либо большое озеро или на море и утонуть.

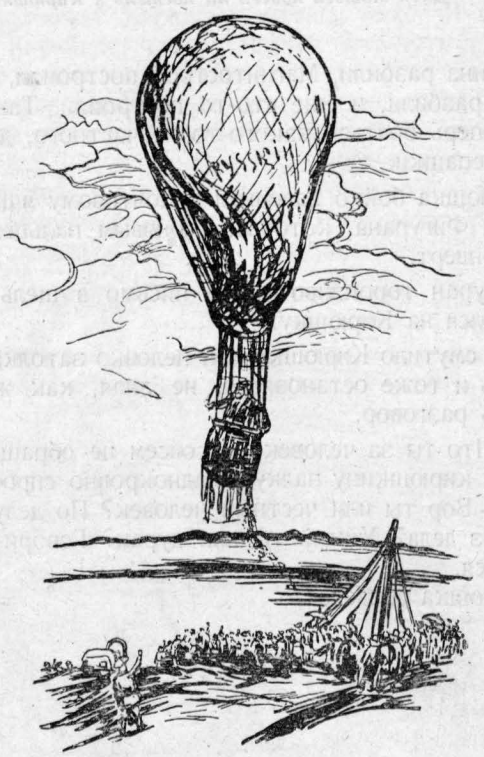
Менделееву было уже за 50 лет. Но он смело поднялся на аэростате, произвел необходимые измерения и записи и благополучно спустился на землю.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА АПШЕРОНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Он много путешествовал. Побывал в Америке и в Западной Европе. Об'ездил почти всю Россию. Был и в Сибири и на Кавказе.

Тогда путешествовать было трудно. И в особенности по России. Железных дорог было мало. Надо было ездить на лошадях. Дороги были скверные. В жару одолевали пыль и жажда. В дождь лошади увязали в грязи. До Баку из Петербурга ехать надо было несколько недель. Трудно было ездить тогда на Кавказ.

Все-таки Менделеев поехал. Его интересовала кавказская нефть. Когда его что-нибудь интересовало, он не боялся препятствий и смело преодолевал их. Он был первым ученым, занявшимся нефтью. Он исследовал ее состав и организовал первую в России химическую лабораторию на нефтеперегонном заводе. Ему принадлежит мысль о постройке нефтепровода из Баку до Черного моря.



В 1887 году поднялся Менделеев на воздушном шаре наблюдать затмение.

Менделеев выступает в Кембриджском университете.

КАК МЕНДЕЛЕЕВ БЫЛ ПРОФЕССОРОМ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Мир признал Менделеева великим ученым. Заграничные университеты наперебой подносили ему почетные звания и титулы, награждали его медалями.

Кембриджский университет в Англии, один из старейших и лучших в Европе, специальным письмом вызвал Менделеева для возведения его в почетную степень доктора.

В назначенный день в огромной старинной зале университета собрались профессора и студенты. Тут же был Менделеев. На него надели яркокрасный плащ с синими отворотами и огромными, широкими рукавами. На голову надели берет. Так в средние века одевались ученые. Выступил ректор университета, также одетый в средневековый разноцветный костюм. Он обратился к Менделееву с речью. Речь была на латинском языке. В речи перечислялись все заслуги и качества Дмитрия Ивановича. Потом Менделеев держал ответную речь. Тоже по-латыни. Это была самая высокая честь для ученого.

Так было в Кембридже. Так было в Эдинбурге и в Оксфорде. Но не так было в царской России. Царские чинуши считали Менделеева только опасным чудаком. Начальство не любило таких людей, как профессор Менделеев.

На его лекции собиралось очень много студентов. Всем хотелось послушать знаменитого ученого. Начальство думало: нет ли здесь крамолы? Менделеев перестроил и расширил лаборатории университета. Он привлек к преподаванию лучших ученых. Под его руководством кафедра химии Петербургского университета стала одной из лучших в Европе. Но когда были выборы в Академию наук, Менделеева не выбрали. И когда были студенческие волнения и Менделеев заступился за студентов, его выгнали из университета. Обидно было Менделееву. Он не был врагом царской власти. Наоборот, он считал, что если будет много таких же, как он, энергичных и честных людей, то и при царской власти всем будет хорошо жить: и рабочим, и капиталистам, и крестьянам, и помещикам. А начальство все-таки боялось. На последнюю лекцию, которую читал профессор Менделеев, привели взвод полицейских. Полицейские сидели и слушали, что говорил профессор Менделеев, а профессор Менделеев говорил о химических свойствах марганца.

ТАЙНА ФРАНЦУЗСКОГО ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА

Профессор Менделеев стал отставным профессором. Но Дмитрий Иванович был не из тех людей, которые легко сдаются. Он верил в свою науку. Он верил в свои силы. Этого было достаточно для него. И он был таким большим ученым, что даже царская власть не могла им пренебречь.

Военное министерство обратилось к нему и предложило раскрыть секрет бездымного пороха. Раньше, когда стреляли из ружей, порох давал много дыма. Ружья дымили как самоварные трубы. Это было неудобно. Дым обнаруживал местонахождение стрелка. Заграницей, во Франции, изобрели бездымный порох. Способ изготовления держали в секрете. Отставной профессор Менделеев должен был раскрыть этот секрет.

Великий химик оказался также и прекрасным разведчиком. Он раздобыл статистические таблицы грузооборота французских железных дорог. По этим таблицам он узнал, какие грузы везли по ветке, ведущей к заводу, изготовляющему бездымный порох. Много кое-чего везли по этой ветке: чайную посуду, хлеб, мыло, конфекты, мануфактуру. Из этого нельзя сделать никакого пороха. Но еще везли спирт, эфир, азотную кислоту, древесину. Это было то, что нужно. После нескольких месяцев работы в лаборатории Менделеев изготовил бездымный порох.

КАК ДОБЫВАЛИСЬ ДЕНЬГИ ДЛЯ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Отставной профессор Менделеев был назначен ученым хранителем депо «Мер и весов». Это учреждение находилось в плачевном состоянии. Оно должно было наблюдать за правильностью мер и весов во всей России. Но оно не могло этого делать. Во-первых, оно помещалось в маленьком, тесном помещении, где нельзя было развернуть никакой научно-исследовательской работы. Потом, у него не было денег для этого. Деньги на всякие «научные затеи» в царской России отпускались туго.

Менделееву пришлось самому пробивать преграду косности и тупоумия. Надо было достать денег для постройки нового здания, для покупки точных измерительных приборов, для содержания работников. Деньги могли отпустить только по распоряжению великого князя, брата самого царя. Вот Менделеев пригласил великого князя в свое учреждение. Пускай посмотрит, как здесь тесно! Дмитрий Иванович велел во всех коридорах и проходах, на столах, на всех видных местах навалить разный ненужный хлам, чтобы было еще теснее. Для наглядности!

Князь прошел два шага и споткнулся

Приехал великий князь со своей свитой. Он вошел впереди всех, как полагалось ему по титулу, и пошел по коридору. Прошел два шага и споткнулся. «Не сюда!» — крикнул Дмитрий Иванович и свернул в другой коридор. Здесь великий князь опять споткнулся. После этого он понял, что в депо тесно, нельзя работать и распорядился отпустить денег.

Так приходилось великому ученому добывать средства для научной работы. Благодаря своей энергии и организаторскому таланту он превратил депо «Мер и весов» в первоклассное научное учреждение. Химик оказался и прекрасным администратором.

КАК МЕНДЕЛЕЕВ ПОССОРИЛСЯ С ЦАРСКИМ МИНИСТРОМ

В 1904 г. Россия стала воевать с Японией. В этой войне царская Россия потерпела поражение. Сотни тысяч рабочих и крестьян погибли на манчжурских полях и в Тихом океане. Они поплатились жизнью за интересы царя и помещиков. Менделеев жестоко страдал от этого. Он верил, что нужно всего добиваться знанием, наукой. А тут шла война! И на войне употребляли бездымный порох, изобретенный Менделеевым. Он думал, что он послужит мировой науке, чистому знанию, когда изобретал порох. Оказалось, что он послужил гнусному делу — империалистической войне.

Стыдно стало Менделееву! Наступило 9 января 1905 г., когда царь расстрелял рабочую демонстрацию. Дмитрий Иванович еще утром в этот день понял, что будет кровопролитие. Он поехал к царскому министру Витте, который считался его другом. Он просил его предотвратить ужасную бойню. Витте мог это сделать, но не сделал этого.

Дмитрий Иванович вернулся от Витте и прошел к себе в кабинет. Походил, подумал. Снял со стены портрет Витте, поставил на пол, лицом к стене.

«Выбросьте его вон,— сказал он хрипло,— и никогда не напоминайте мне о нем». И закурил папиросу. Он всегда очень много курил. Сам крутил папиросы. Тяжело было тогда Дмитрию Ивановичу.

О ЧЕМ ДУМАЛ МЕНДЕЛЕЕВ В СТАРОСТИ

Вот прошли годы, и Менделеев состарился. 70 лет жизни стояли за ним. За этот срок он сделал очень многое. Но он хотел бы сделать еще больше. Он видел, как много теряла наша страна от того, что народ в ней жил темный и неграмотный. И он хотел бы, чтобы в стране было больше школ, больше университетов, больше образованных людей. Он знал, что огромные богатства таятся в недрах нашей страны и никак не используются. И он думал, что хорошо было бы построить на этих местах шахты, фабрики, заводы. Но он жил в царское время. Тогда обо всем этом можно было только думать, и то про себя. Поэтому Менделеев эти свои размышления назвал «Заветными думами».

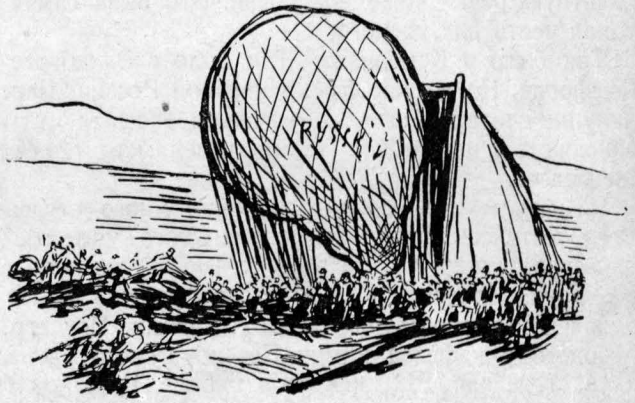
СМЕРТЬ МЕНДЕЛЕЕВА

В Главную палату мер и весов приехал важный гость — царский министр Философов. Менделеев показывал гостю свое детище — новые лаборатории, точные приборы, обсерваторию. И когда гость уезжал, он провожал его. Глубокий старик, 73 лет, стоял в холодной передней, пока гость важно и долго одевался и, наконец, соизволил отбыть со всей своей свитой. Так Дмитрию Ивановичу полагалось по чину. В передней он простудился, заболел. 20 января 1907 г. Дмитрий Иванович Менделеев умер.

Когда Дмитрия Ивановича хоронили, перед гробом несли «Менделеевскую таблицу элементов». А за гробом шла многотысячная толпа. И на гроб навалили кучу венков, и цветов, и зелени.

А через год химики со всей России с'ехались на с'езд. Назвали с'езд Менделеевским. И до сих пор время от времени созываются Менделеевские с'езды. На них обсуждают важнейшие химические вопросы. На них вспоминают Дмитрия Ивановича Менделеева, гениального ученого и великого человека.

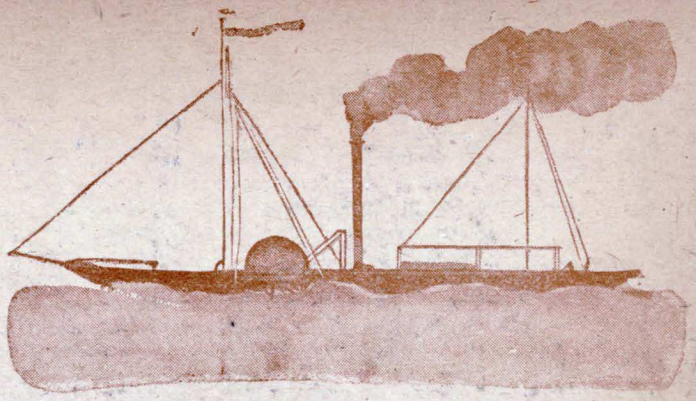
А коммунистическая партия и советская власть строят заводы в Бобриках, в Донбассе, в Кузбассе и внедряют науку в сельское хозяйство. И открывают новые школы и втузы, где учатся сотни тысяч народа, и планируют народное хозяйство. Сбываются заветные мечты Дмитрия Ивановича. Сам он, несмотря на то что был большим ученым, не знал, что они могут сбыться только тогда, когда власть в России будет завоевана рабочим классом.



В ВОДЕ КОЛЕСАМИ

Инж. А. Абрамов

Рис. К. Кузнецова



„Клермонт" пошел по Гудзону.

Разве страшно ехать на пароходе?

Вам странно, что я задаю такой вопрос? А ведь однажды не нашлось «храбреца». Это случилось в Америке, в городе Нью-Йорке. На пристани было несколько тысяч человек, но никто не решился сесть на пароход. Так и поплыл он без пассажиров по реке Гудзон. Прибыл в город Олбени. Собрался обратно, и опять то же самое. Никто не осмелился поехать на нем. Многим нужно в Нью-Йорк, а сесть боятся. Чуть не ушел пароход и обратно без пассажиров. В последнюю минуту один из жителей Олбени расхрабрился и подошел к капитану.

— Ваш пароход идет в Нью-Йорк?— спросил этот храбрый человек.

— Да.

— Можете взять меня с собой?

— О, конечно,— обрадовался капитан,—если вы рискнете со мной отправиться!?

Второго смельчака не нашлось.

Непохоже на правду? Нет, в самом деле так было. Хотите, могу сказать, как пароход назывался:

«Клермонт».

И единственного пассажира знаю. Это был француз Андрие.

Что, все еще не верите? Могу вам назвать фамилию капитана:

Роберт Фультон.

Догадались? Нет? Сейчас поймете.

Было это 27 августа 1807 года. И был это первый настоящий пароход. Капитаном был его изобретатель Роберт Фультон.

Очень интересно построить самим модель «Клермонта». Нам с вами сделать это не так трудно, я укажу все размеры. Работать нужно аккуратно и точно. Зато будет модель первого настоящего парохода.

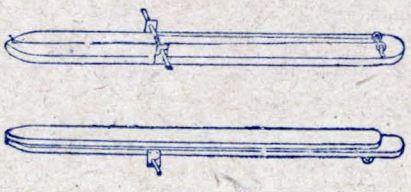
Я говорю «первого настоящего», потому что и до Фультона пробовали строить пароходы. Только никому не удавалось. Не был изобретен хороший двигатель. А когда английский механик Джемс Уатт так усовершенствовал тогдашнюю паровую машину, что она стала сильной и экономной, Фультон поставил ее на свой пароход.

Нам, конечно, паровой машины для модели не построить. Да это и не нужно. Для нас достаточно двигателя с резинкой. Наша модель будет взбивать воду колесами как настоящий пароход и быстро плыть.

Инструменты—нож, ножницы, молоток, шило и толстый гвоздь. Придется, впрочем, добавить плоскогубцы. Без них тут не обойтись.

Материалов немного: кусок доски, гвозди, консервная банка, кусок проволоки, карандаш.

По фотографии модели довольно трудно разобраться в устройстве механизма. Хотя там и снят для ясности кожух с одного колеса, все же не со-



всем понятно. Здесь нарисована отдельно основная дощечка—корпус парохода. На нем все устройство без надстроек, без мачт, трубы, навеса и без колес.

Как видите, мотор очень простой. Резинка одним концом привязана к гвоздю, а к другому концу резинки привязана нитка, перекинутая через катушку на корме и привязанная к оси. Работает этот резиномотор так: закручиваются колеса, на их ось намытывается нитка, при этом растягивается резина, а потом резина тянет нитку и вращает ось.

Теперь беремся за дело.

Для корпуса нужна доска длиной 52 см, шириной 6 см и толщиной 1 см.

Очень длинно писать каждый раз: длина, ширина, толщина. Обычно делается проще; пишется так: 52×6×1. И все понятно. Когда читают вот так написанное, не говорят «52 умножить на 6, умножить на 1», а короче: «52 на 6, на 1».

Доску 52×6×1 с одной стороны обстрогайте, чтоб получился нос, а с другой—закруглите, это будет корма. Построить пароход на этой одной доске нельзя—он потонет. Подбейте снизу так же заостренную и закругленную вторую дощечку. Ее размеры 50×5×1. Она, значит, на 2 см короче и на 1 см уже верхней. У носа обе дощечки сходятся, а у кормы нижняя не доходит до конца. Так пароход лучше держится на воде.

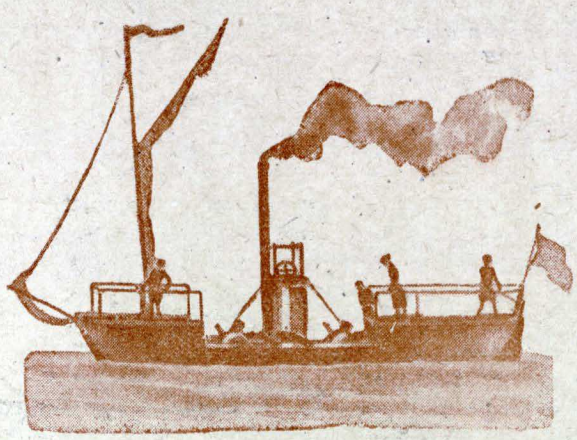
Отмерьте от носа 18 см и прибейте жестяные подшипники. Размер их 3×2. Здесь только два числа, потому что толщина жести известна. Всегда, если толщина приблизительно известна, она не указывается.

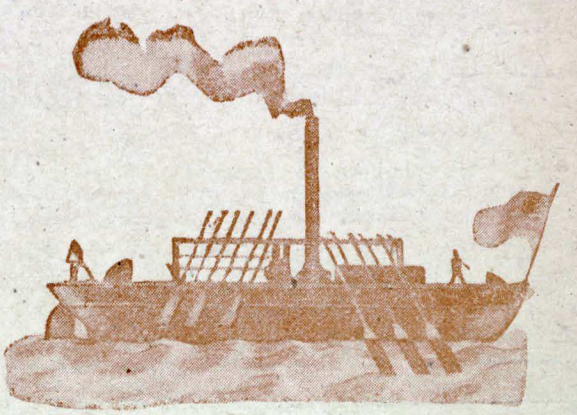
Длина оси 14 см. Это — карандаш, лучше всего тонкий, для записной книжки. С обеих сторон подшипников в ось нужно забить булавки, чтобы она не шаталась.

Довольно сложно установлена на корме катушка. Она должна очень легко вращаться, иначе сила мотора будет тратиться не на вращение колес, а на вращение катушки.

Размеры всех частей зависят от того, какой величины катушку вы достанете. Чем она будет меньше, тем лучше. Для обычной маленькой катушки размеры подшипников 3×1½. С длинной стороны отогните на 1 см — останется 2×1½. Отступя на ½ см от другого конца, проткните шилом отверстие такого размера, чтобы через него прошел маленький гвоздь.

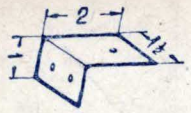
Рваные края отверстий (заусеницы) нам помешают. Когда проткнете от-





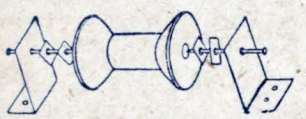
Цена 25 коп.

13214



Подшипник.

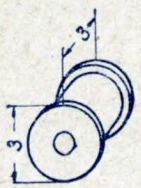
верстие, положите подшипник на кусок железа, например на молоток, и другим молотком ударьте по заусеницам. Они вомнутся, но отверстие станет меньше. Вы снова расширьте его шилом и подбейте. Проделайте это два—три раза, и получатся правильные, гладкие дырочки. Так сделайте оба подшипника.



Кормовая катушка.

Еще нужно изготовить 4 маленьких жестяных квадратика или кружка с дырочками посредине. С ними еще легче будет вращаться катушка. Размеры неважны. Главное, не должно быть заусениц. Обработайте их так же как отверстия в подшипниках, и все части можно соединить.

В катушку вбейте палочку. Выступающие концы срежьте вровень с краями. Сквозь один подшипник проденьте гвоздь, наденьте на него два квадратика и забейте точно в середину катушки. Забивайте не до конца. Точно так же сделайте с другой стороны. Катушку с подшипниками приколите отступя на 3½ см от конца кормы, точно по середине дощечки.

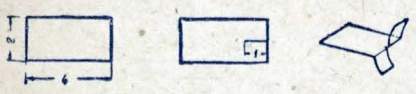


Катушка для колеса.

Катушка должна немного двигаться между подшипниками и очень легко вертеться. Смажьте трущиеся места—квадратики и гвозди—маслом для швейных машин.

Следующая работа—колеса. Их можно сделать разными способами. Очень хорошие колеса получатся, если сделать так:

Возьмите в магазине музыкальных инструментов две катушки с балалаечными струнами.



Лопасти.

Там есть катушки разных размеров Выберите приблизительно такие, как здесь нарисованы. Стоят они по нескольку копеек. Струны с них смотайте—они нам сейчас не нужны.

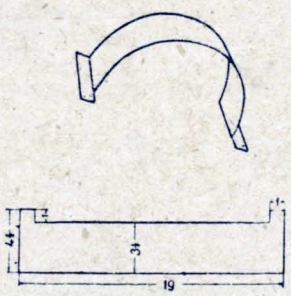
Из жести вырежьте 16 полосок 4×2 см. Это лопасти. Прорежьте их и изогните как на рисунке.

Готовые лопасти маленькими гвоздиками прибейте к катушкам. Сначала обязательно проверьте длину гвоздей, а то они пройдут сквозь катушку, и ее нельзя будет надеть на ось. Первые лопасти прибить легко, а начиная с четвертой — все труднее. Поставьте катушку на ребро какой-нибудь дощечки, тогда сможете прибивать лопасти, не портя уже прибитых.

Отверстия в катушках как раз подходят к толщине карандаша записной книжки. Чтобы они прочно сидели, вгоните в щель тоненькую щепочку. В одно из колес вбейте гвоздь—тогда удобно будет заводить.

Вот и все. Можно пробовать работу механизма. На носу вбейте гвоздь и привяжите к нему один конец резинки. Резину отрежьте длиной примерно в 23 см, толщиной в 2×2 мм. К другому концу привяжите толстую нитку, перекиньте снизу через катушку, а затем прикрепите к оси.

Такая резина, как я указывал, работает очень хорошо: с ней пароход переплывает пруд шириной метров в 20.



Жестяной щиток—кожух.

Наш пароход замечательно булькает и гонит волны находу. Только лопасти сильно брызгают. Сделайте над ними жестяные щитки—кожуха.

Как всякий пароход, наш должен иметь управление. Нужен руль.

Вырежьте из жести полоску 5×3 см. С одной стороны закруглите ее, а другой стороной оберните вокруг куска толстой проволоки и обожмите покрепче плоскогубцами.

Отмерьте 2 см от конца кормы и проткните шилом отверстие; снизу вставьте руль и изогните проволоку в удобную ручку.

Вправо, влево, прямо—куда хотите поплывет наш пароход.

Но это еще не модель «Клермонта». Нужно сделать все палубные надстройки, только тогда будет модель.

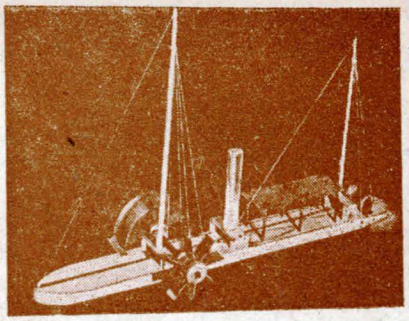
Надстроек четыре: две мачты, труба и навес.

По середине палубы идут резинка и нитка. Чтобы труба и мачты не мешали, нужно ставить их как будто на скамеечках.

Передняя мачта—длиной в 30 см. Она укреплена в середине фанерки 6×1½ см. Фанерка эта прибита к палубе на брусках 1⅓×1×1 см.

На такой же фанерке укреплена задняя мачта. Ее длина 22 см. Здесь нитка по палубе идет выше чем у передней мачты. Поэтому фанерку нужно прибить на столбики 1½×2×1 см. Она должна быть на высоте 2 см от палубы.

Трубу укрепите на фанере 6×2 см.



Это—наша модель.

Длина трубы 11 см, толщина 2 см, она круглая. Высота фанеры над палубой 1½ см. Значит бруски нужны 2×1½×1 см.

Проще всего сделать навес. Это просто картонка 13×5 см и 6 гвоздей по 6 см длиной.

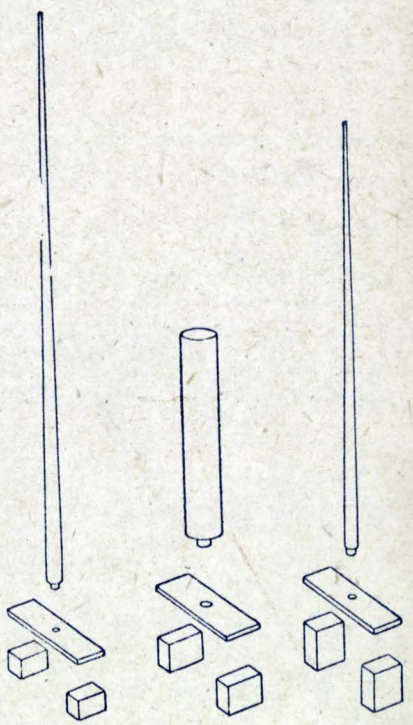
Как укрепить нитками мачты, где их установить, где установить трубу и навес, все ясно по фотографии.

Воткните в переднюю мачту булавку с флагом и спускайте «Клермонт» на воду.

Корма должна быть погружена немного больше чем нос. Если это не получается, вбейте сзади, у навеса, еще 1—2 толстых гвоздя, пока модель не станет как полагается.

Когда шел первый пароход по Гудзону, жители в испуге разбегались с берегов. А до первого рейса Фультона считали сумасшедшим, обманщиком, никто не хотел ему помогать. Даже тогдашние ученые не понимали, что это судно должно победить.

И наш «Клермонт» напугает жителей пруда: все лягушки в страхе поскачут прочь.



Снасти.

Отв. редактор **Б. ИВАНТЕР** Худ. редактор **М. АСКИНАЗИ** Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдан в набор 15/III—34 г., подписан к печати 21/IV—34 г. Изд. № 399 Формат 1¹/₉ 62×94 см. 1¹/₉ б. л. 135.009 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Ц—82368 Типография газеты „Правда", Москва, ул. Горького 48. Заказ № 776 Тираж 50.000